

Валерий Черных

ТЕНЬ УШЕДШЕГО

18+

Валерий Черных

Тень ушедшего

<https://litres.ru/74634444>

SelfPub; 2026

Аннотация

Майор полиции Лаврин вернулся в город детства, где когда-то убили его родителей. Не мстить – расследовать дерзкое ограбление инкассаторов. Но чем глубже он копает, тем яснее понимает: смерть отца и матери была не случайностью. Она была звеном в цепи преступлений, растянувшейся на шестнадцать лет. Контрабанда, оружейный трафик, продажные полицейские – и убийца, который всё это время носил погоны и спал спокойно.

Она – аналитик в его группе, капитан. С острым умом и принципами, которые не позволяли ей смешивать работу и личное. Они работали вместе, но между ними всегда стояла стена. Пока однажды, в смертельной опасности, она не поняла: терять его она не готова. И он тоже.

Теперь они вместе. В расследовании, в смертельной игре, в этом городе, где за каждым углом ждёт смерть, а доверять нельзя никому. И когда пули свистят над головой Игорь знает: он готов идти до конца. За правду, за справедливость – ради которых он готов сражаться даже с призраками прошлого.

Валерий Черных

Тень ушедшего

Прошлое не уходит –
оно лишь ждёт своего часа,
как острый клинок, готовый нанести
смертельный удар.

ГЛАВА 1

Санкт-Петербург, Набережная Крюкова канала.

Над гранитными парапетами и тёмной маслянистой водой висела пелена влажного тумана, превращая это раннее утро в размытую акварель. Угрюмые фасады старинных особняков и доходных домов проступали сквозь мглу призрачными, монументальными тенями. Казалось, окутанный влажным дыханием Невы город никак не может очнуться от сна,

В воздухе царил свежесть – по-осеннему прохладная, колкая. Она тянулась от воды, смешиваясь с лёгкими, едва уловимыми запахами: сырого камня и чуть горьковатого флёра первых опадающих листьев.

Тишину лишь изредка прорезал монотонный гул трамвая, спешащего по Садовой улице, или одинокий, отрыви-

стый крик чайки. На узкой набережной царило безлюдье. Сквозь туман начинал пробиваться бледно-серебристый рассеянный свет, едва разгоняя мглу и превращая гранит набережной в зеркальные полосы, отражающие сдержанное петербургское утро.

В такую погоду звуки ведут себя обманчиво. Далёкий стук мог быть чем угодно. Рёв грузовика на соседней улице слышался неясным утробным бормотанием, а шелест мокрой листвы казался оглушительно резким. Вязкий воздух искажал их, размывая границы и направления.

Инкассаторская «Газель» цвета мокрого асфальта плавно притормозила у поребрика напротив банкомата «Банка Санкт-Петербург». Человек в униформе с нашивкой «Сокол» вышел, отработанным взглядом окинул пустынную улицу. Второй инкассатор подал из салона кейс с наличными. Водитель оставался за рулём, расслабленно откинувшись на спинку кресла. Всё как всегда. Рутинa.

Неожиданно безмятежная тишина, повисшая над Крюковым каналом, лопнула от двух почти одновременных хлопков, пришедших со стороны опоры Торгового моста.

Первый хлопок – и инкассатор, стоявший перед банкоматом, рухнул, даже не успев понять, что происходит. Тяжёлый кейс с наличностью со звоном ударился о мокрый гранит.

Второй хлопок – и тот, кто находился внутри бронированной «Газели», безвольно сполз по стенке салона. Дверь так и осталась открытой. Никакого крика, никакой тревоги. Толь-

ко эхо, метнувшееся по мокрой набережной и туманной воде, напомнило о хрупкости человеческой жизни.

Водитель дёрнулся, пытаясь подать сигнал и заблокировать замок, но ему не оставили ни секунды. Сухо и стремительно прозвучал третий выстрел – время словно замерло. Бронебойная пуля ударила в стекло – заставила его ахнуть и помутнеть, превращая в матовый щит, затянутый паутиной трещин. В центре, будто живая, медленно проступила тёмная, неровная воронка.

И почти сразу четвёртый хлопок разорвал пространство. Пуля легла точно в ослабленное место. Воронка содрогнулась и из её сердца вырвался сноп сверкающих осколков. Кусок металла прорвал остатки преграды и острым жалом вонзился в горло водителя. Кровь брызнула на расколовшееся стекло, смешалась с белёсой паутиной трещин и быстро стекла вниз, превращая матовый щит в красную решётку.

Несколько секунд. Четыре выстрела, три цели, три мертвеца. Словно всё было спланировано не для налёта, а для казни.

Снайпер, скрывавшийся за фонарём моста, исчез, выполнив свою задачу.

На набережной появились две тени. Они двигались быстро, деловито, с расчётом. Им было не нужно подавлять ответный огонь. Один из них, высокий, массивный, подбежал к открытой двери и, не обращая внимания на мёртвое тело, схватил брошенный кейс. Второй, забравшись в салон, вы-

тащил остальные кассеты с деньгами.

Словно материализовавшись из тумана, перед «Газелью» вырос белый микроавтобус с грязными нечитаемыми номерами. Он резко затормозил, встал наискосок, перекрывая дорогу. Третий человек, в такой же безразмерной куртке, как и первые двое, прыгнул на асфальт. Через считанные секунды награбленное скрылось в тёмной пасти салона микроавтобуса.

И тут раздался визг тормозов. Позади «Газели» остановилась старенькая «девятка». За рулём – пожилой мужчина, на заднем сиденье – девочка лет семи. Они широко раскрытыми глазами смотрели на происходящее. Девочка, не понимая, помахала рукой человеку в маске. Застывший от шока взгляд водителя «девятки» встретился с холодными глазами в прорезях.

Высокий бандит едва заметно кивнул. В его движении не было ни злобы, ни ярости – лишь холодная, абсолютная целесообразность. Второй человек в маске резко извлек из-под куртки пистолет. Водитель «девятки» инстинктивно рванул рычаг переключения передач, пытаясь дать задний ход. Но он не успел.

Ствол, удлинённый глушителем, описал плавную дугу, словно набрасывал петлю. Прозвучало несколько приглушённых выстрелов. Боковые стёкла осыпались мелкой крошкой. Водитель «девятки» безвольно обмяк на руле. Маленькая пассажирка пронзительно вскрикнула и затихла на зад-

нем сиденье.

Белый микроавтобус рванул с места и растворился в тумане так же стремительно, как и появился.

Тишина вернулась, но это была уже не сонная тишина утра, а гробовая тишина совершенного преступления.

Спустя пять минут на место прибыли первые патрульные. Сквозь шипение радиопомех в своих рациях они слышали едва различимый слабый стон из «девятки». Один из полицейских дёрнул ручку задней двери. Она со скрипом поддалась, и на асфальт свесилась детская ножка. Стражи порядка замерли, не в силах оторвать взгляд от маленькой красной туфельки, безвольно качнувшейся над землёй.

Раннее утро в здании Главка МВД на Полюстровском.

Майор Игорь Лаврин вошёл в оперативный отдел. Его взгляд скользнул по большому интерактивному экрану, где временно вывели карту города. На ней горела уже вторая за последние две недели метка. Ярко-красная, словно пулевое ранение.

Капитан Анна Звягинцева, листавшая на планшете первые сводки, подняла сосредоточенное лицо.

– Ну что? Орлов отзвонился? – спросила она, вглядываясь в нахмуренного майора.

– Всё то же самое. Сработали чисто, – глухо отозвался Лаврин. – Тот же почерк: жёстко, быстро, без следов. Только гильзы. Опять снайпер. Сразу на поражение. Но теперь ещё двое гражданских – девочка лет семи и старик. Камеры в радиусе двухсот метров вырубили за несколько минут до атаки.

– Девочка?.. – у Звягинцевой дрогнули губы. Она прикусила нижнюю, чертыхнулась сквозь зубы. – Если уложились до приезда группы поддержки... минут пять. Не больше. Значит, знали регламент. Сделали всё так, чтобы не оставить себе ни секунды лишнего риска. Ноль эмоций. Чистая механика. Прямо как спецназовцы или так же натасканные.

Она набрала что-то на клавиатуре, и под красной меткой вспыхнула надпись «3+2». Три служебных. Два гражданских.

– Думаешь, бывшие сотрудники? – мрачно спросил Лаврин. – Наши – только на тёмной стороне?

– Может быть, – Звягинцева пожала плечами. – Это я от безысходности предположила. Хоть какая-то зацепка. А что с камерой банкомата?

– Не включилась, – резко бросил Лаврин. – Инкассатор не успел подойти на нужное расстояние.

Дверь в оперативный отдел отворилась беззвучно и на пороге замер третий из их группы – капитан Дмитрий Орлов. Молодой, подтянутый, он обычно вносил в комнату оживление, но сегодня выглядел несколько поблёкшим. Ночь на дежурстве, утренний вызов на ограбление со стрельбой, потом

– раненая девочка. Он лично отвез её в НИИ скорой помощи и дождался, пока её примут врачи.

– Как там ребёнок? – устремив на него взгляд, спросил Игорь.

– Нормально, – коротко отчеканил Орлов, на ходу скидывая куртку. – Ранение по касательной, скальпированная рана. Плюс черепно-мозговая контузия лёгкой степени. Сейчас спит под капельницей.

– Когда можно будет с ней поговорить? – включилась Анна.

– Часов через пять. Медики категорически запретили будить. Говорят, если прервём сон – рискуем получить невменяемого свидетеля с провалами в памяти. Оно нам надо?

– Не надо, – согласился Лаврин. – Охрану организовал?

– Да, наши уже в больнице. Пост у палаты.

– Хорошо. – Майор скосил глаза на экран, на две алые метки, горевшие, как открытые раны. – Бывшие коллеги... Спецназовцы... Кто бы ты ни был..., – злобно пробормотал он.

Орлов устало опустил на стул:

– Баллистики передали – готовы выезжать.

Майор резко дёрнул рукав кожаной куртки, глянул на часы.

– Полковник ждёт. Пошли, получим свою порцию «бод-рости» от высокого начальства.

Он первым направился к выходу. За окнами утро ещё не

решалось вступить в день, и Лаврин чувствовал себя частью этой замершей, тревожной паузы.

Обстановка в кабинете полковника казалась настоящей на власти и субординации. Это было не просто помещение, а материализованный статус. Массивный стол из почти чёрного дерева высился преградой, отделявшей полковника Ковальчука от остального мира. Два монитора холодно отсвечивали синевой – электронные окна в систему. Лаконичные черные аппараты прямой связи лежали как оружие, готовое к бою. Даже стопки документов в синих папках казались не бумагами, а строго упорядоченными досье, ждущими своего часа. За спиной хозяина, в строгой рамке – портрет Президента. Не украшение, а напоминание: над тобой есть высшая инстанция, и твоя власть лишь делегирована. Для посетителей предназначались кожаный диван и кресла. Удобные, но их мягкость обязывала к чинности. Сидя здесь, человек невольно подтягивался, чувствуя себя на скамье подсудимых – пусть и комфортной.

Ничего лишнего. Ни единой детали, говорящей о человеке. Лишь безупречно отлаженный механизм, где полковник Ковальчук был не человеком за столом, а органической частью этого интерьера, главной, но всё же деталью. Его сидина, коротко подстриженная щёткой, отливала сталью – примета срока, проведённого у власти. Жёсткое лицо казалось монументальным, как и его стол.

Он не поднял головы – это давно стало отточенным приёмом. Демонстративное погружение в документ беззвучно общало: ваше появление – факт малозначительный, и я замечу его, только когда сочту нужным. Взмах руки в сторону кресел был лишён даже намёка на гостеприимство. Так указывает регулировщик: ваше место там. Короткий, холодный жест, ставивший точку в субординации ещё до первого слова. И пока посетители молча устраивались на сковывающей коже дивана, напряжение в кабинете сгустилось до предела. Полковник не торопясь заканчивал пометки. Перьевая ручка скрипела по плотной бумаге. Он не просто писал – он давал им время до капли прочувствовать собственное ничтожество.

Игорь наблюдал за этим театром власти с холодным безразличием. Чужая режиссура его не трогала. Он просто ждал, когда главная деталь ведомственного механизма наконец соизволит обратить на них внимание.

– Майор Лаврин. Доложите обстановку, – голос Ковальчука прозвучал негромко, глуховато. В этом ровном, напрочь лишённом эмоций тоне крылась главная угроза. – Мне уже звонили из прокуратуры. И из правления банка. Теперь слушаем вас.

Игорь почувствовал, как за его спиной натянулись, словно струны, коллеги, и мысленно усмехнулся.

– Товарищ полковник, в ноль семь тридцать на набережной Крюкова канала совершено вооруженное нападение на

инкассаторский автомобиль «Банка Санкт-Петербург». Сценарий один в один повторяет налёт на Лиговском: хирургическая работа снайпера, молниеносный штурм.

Ковальчук медленно поднял веки. Его взгляд был плоским и неподвижным, как прицельная планка.

– Трое инкассаторов ликвидированы на месте, – чеканил Игорь. – Случайные жертвы: мужчина шестидесяти лет – наповал. Девочка семи лет – ранение в голову. Жива, сейчас в реанимации, у палаты выставлен пост охраны.

Полковник не моргая держал майора на мушке своего взгляда.

– Похищены кассеты с наличностью. Предварительно – до ста миллионов рублей. Точный расчёт...

Ковальчук глухо стукнул костяшками пальцев по синей папке, перебивая:

– Что с городскими камерами?

– Та же схема. Мощная глушилка, «купол тишины» в эфире. Трансляцию на пультах убили начисто. Эксперты проверят внутренние накопители, если от них хоть что-то осталось. Мы уже поднимаем архивы в радиусе пятисот метров – ищем зацепки. Но если это та же группа, шансов мало: они сначала глушат связь, а перед уходом выжигают периметр электромагнитным импульсом.

Ковальчук откинулся на спинку стула. В помещении воцарилась тишина, нарушаемая лишь гудением кондиционера. Полковник медленно провел рукой по своим коротким

волосам и уставился в монитор с картой города.

– Лиговский, теперь Крюков... Это уже не просто налёт, майор. Это серия. Исполнение – профессиональное. Глушилки, снайпер, чёткий расчёт маршрута. Семь погибших, включая случайных, раненый ребёнок, изъятая наличка на сотни миллионов, – он резко повернулся к подчиненным: – Они демонстрируют, что могут стрелять в Петербурге, как на полигоне. А у нас только пустые гильзы.

Губы полковника нервно дрогнули, и в этой гримасе Лаврин уловил нескрываемое презрение. Ответ у майора вырвался раньше, чем он успел обдумать слова.

– Мы действуем в рамках поручений следователя СК. Он думает – мы бегаем, – нарочито равнодушно пожал плечами Лаврин, но на лице явно читалась тень раздражения.

Полковник резко поднялся.

– Кончай валять дурака, Игорь. Следователь отвечает за бумаги, а ты отвечаешь за улицу! Твоя задача – не «бегать», а добывать информацию. Или вы просто ждете, пока вам укажут пальцем, вместо того, чтобы самим ловить эту банду. Начинай думать своей головой.

Он провёл ладонью по лицу, смахивая усталость. Голос стал спокойнее:

– Что я должен доложить генералу? Что у нас нет ни свидетелей, ни видео, ни версии? У них стрелок, который кладёт людей с первой пули. Они знают маршруты, графики, знают, где камеры. Это подготовленная группа. У вас сорок во-

семь часов. Подключайте всех, хоть чёрта лысого. Но через двое суток на моём столе должна лежать дельная разработка, – Ковальчук обвел грозным взглядом оперативников. – Или вы все трое... Всё. Свободны.

Майор Лаврин поднялся, не сказав ни слова. Звягинцева и Орлов – за ним. Уже в дверях Игорь услышал, как полковник, ни к кому не обращаясь, тихо произнес:

– Снайпер... Мать твою.

Дверь кабинета закрылась, отсекая гнев начальника.

В голове Лаврина, словно заевшая пластинка, крутилась одна и та же фраза: «Или вы все трое...» Он мысленно закончил её: «...вылетите к чёртовой матери». Но ни малейшего спазма страха не было – лишь холодный комок равнодушия, засевший где-то глубоко в груди. «Грозится, старый хрыч, – подумал Игорь, чуть заметно кривя губы. – Ему лишь бы власть показать». Позади слышались торопливые, нервные шаги Звягинцевой и Орлова. Они-то боялись по-настоящему. Для них угроза полковника Ковальчука была концом всего. Лаврин мысленно поклялся: он не даст их в обиду. Только не из-за чиновничьего каприза.

За спиной у Игоря витала незримая, но осязаемая сила – высокая должность. Фамилия, имя и родство сплелись в неприкосновенный щит. Источником его был дядя – генерал-майор, начальник Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка МВД России. Одно его слово перевешивало все приказы прямого руководства.

Этот щит сформировался в тот самый день, когда жизнь Игоря раскололась на «до» и «после», оставив на месте прошлого лишь острые осколки. Шестнадцать лет назад мир Игоря рухнул за одну ночь.

Родители встретили смерть, возвращаясь из ресторана по привычной дороге. По версии следствия, всё было банально: ограбление, зашедшее слишком далеко. В милицейских протоколах картина выглядела до приторности простой: нападение, попытка сопротивления, трагическая развязка. Но в этих сухих бумагах не прозвучало ни слова о том, что он узнал позже – от дяди. О слишком профессиональных ударах ножом: точных, жестоких, почти показательных. Тогда, мальчишкой, он не мог представить себе всего ужаса произошедшего. Но с годами, взрослея, всё яснее видел перед собой эту картину, словно сам стоял на месте преступления.

Отца, человека вспыльчивого и бесстрашного, ещё можно было представить бросившимся в драку. Но зачем нападавшим понадобилось убивать его так жестоко и изощрённо? И почему его мать – тихая, интеллигентная женщина – получила столько же ран, словно её смерть значила для убийц ничуть не меньше, а то и больше?

Позже, уже став опером, Игорь снова и снова возвращался к тому проклятому вечеру, мысленно перебирая обстоятельства. Но картина не складывалась, разваливаясь при каждой попытке собрать её воедино.

Отец владел крупной долей в компании, занимавшей-

ся грузоперевозками. Бывшее советское автотранспортное предприятие с огромными ангарами, ремонтной базой, охраняемыми складами и административным корпусом в девяностые было лакомым куском. Плюс ко всему, в самый разгар приватизации отец с партнёром умудрились за бесценок прибрать к рукам еще и районную нефтебазу по соседству. Стратегический объект, золотая жила. А после гибели отца всё это имущество, согласно хитро составленному уставу фирмы, в один день отошло его компаньону. Слишком гладко. Слишком удобно, чтобы не возникло сомнений.

Самое логичное – копать в сторону совладельца. Чистый мотив: «заказать» партнера, чтобы стать единоличным хозяином империи. Но и эта, железобетонная на первый взгляд, версия рассыпалась в прах. Через пару месяцев после похорон бизнесмен спешно продал предприятие, а ровно половину выручки чистыми перевёл на целевой счёт Игоря. Сумма по тем временам была астрономическая – почти миллион долларов. Убийцы так себя не ведут. Убийцы не делятся добычей с сиротами.

Дядя Лёша не стал тратить эти деньги и не позволил им сгореть в очередном кризисе – вложил всё в ликвидные акции. С годами этот слепой капитал не просто сохранился, а многократно приумножился. Теперь дивиденды от инвестиций обеспечивали Игорю ту самую абсолютную независимость, которая так злила его нынешнее начальство. Ему нельзя было пригрозить лишением премии или увольнением.

ем. Он служил не за зарплату.

Двоюродный брат отца – тогда еще скромный майор уголовного розыска из Петербурга – оказался единственным близким родственником Игоря после смерти родителей. У дяди Лёши не было своих детей, и он без лишних слов забрал шестнадцатилетнего пацана к себе, став для него оплотом в бушующем море жизни. Поэтому выбор Игорем профессии был предопределен. Мир закона, протоколов и криминальных раскладов стал для него единственной понятной реальностью. Другого пути у него просто не оставалось – этот мир сам выбрал его, когда забрал родителей.

Питер Игорь полюбил сразу: резко, остро, почти болезненно – как любят то, что заведомо сильнее тебя, но всё же принимает в свои объятия. Суровый и холодный, город скрывал за этим фасадом колоссальную мощь, словно жил собственной, суверенной волей. В его туманах, в тяжёлых гранитных набережных, в звящем молчании белых ночей скрывалось присутствие чего-то большего, чем просто нагромождение улиц и домов. Казалось, этот город смотрит прямо в душу, высвечивая самые потаённые, изломанные её углы. В его ледяной суровости Игорь узнавал себя – подростка, который потерял всё, но наотрез отказался сдаваться. Для него Питер стал не просто зеркалом былой боли, а проводником: бесконечные проспекты превращались в дороги судьбы, в нити, уводящие в новую жизнь.

Полтора года назад дядю перевели в Москву, в министер-

ское кресло. Игорь остался один в просторной питерской квартире, где любой шаг отзывался гулким эхом, а тени прошлого затаились по всем углам. Теперь громкая фамилия и столичные связи были для него одновременно и крепостью, и клеткой. Его фамильная неприкосновенность билась в обе стороны. Для сослуживцев майор Лаврин оставался человеком «под крылом», к которому безопаснее не лезть с мелкими придирками, чтобы не нажить проблем. Его отчёты проверяли бегло, дисциплинарные взыскания обходили его стороной, а на оперативках начальство молча проглатывало его резкие, на грани фола, реплики – прекрасно зная, какая фигура стоит за его спиной. Дядя мог набрать номер Ковальчука в любое время, и тогда любой разнос обрывался на полуслове, любой спор мгновенно стихал. Все понимали: майор Лаврин прикрыт сверху железобетонно, и это право силы было неоспоримо. Однако именно из-за привилегированного положения Игорь всегда оставался под прицелом. Любое движение фиксировалось, решение – препарировалось в кулуарах, каждый поступок – взвешивался на невидимых весах. Система позволяла ему больше, чем остальным, но и плату требовала несоизмеримую: без права на слабость, без шанса на ошибку. Любая оплошность мгновенно бросала тень на фамилию, превращая защитную броню в его постоянное проклятие.

Он тащил этот вес на плечах, как неподъёмный груз. Статус защищал, но он же выстраивал глухую стену между ним

и коллегами, не позволяя вдохнуть полной грудью. Иногда Игорю казалось, что проще было бы отбросить этот щит – падать, разбивать колени и подниматься самому, без оглядки на чужое авторитетное имя. Но пространства для маневра у него не оставалось. В его мире любые развилки закончились той самой ночью, шестнадцать лет назад, когда прежняя жизнь с хрустом раскололась на куски.

И потому он шёл вперёд – упрямо, жёстко, напролом, доказывая в первую очередь самому себе: он здесь не из-за протекции. Он – самостоятельная, автономная сила. И его личный путь не зависит ни от генеральских погон дяди, ни от министерских рычагов, а держится исключительно на его собственной воле. Лаврин никогда не козырял своей фамилией, пробивал стены лбом и втайне гордился этим. Но глубокая, кровная связь давала железную уверенность: его не сотрут в порошок по щелчку пальцев. Системе придётся с ним считаться.

«Сорок восемь часов, – усмехнулся Лаврин про себя, берясь за ручку двери оперской. – Не уложимся – Ковальчук изойдёт ядовитой слюной, а потом спишет глухаря на непреодолимые обстоятельства. Максимум, что грозит лично мне – выговор для галочки, который дядя аннулирует одним звонком». Накаты полковника казались ему дешёвой бравадой, недостойной даже секундного раздражения. И в этом не было гордыни – лишь спокойное знание человека, который твёрдо помнил: его судьба решается в совсем дру-

гих, недостижимых для Ковальчука кабинетах. Но если чиновничьи угрозы Лаврина не волновали, то само дело жгло изнутри. Мысли о налёте не давали покоя, заставляли кровь тяжело стучать в висках – в ритме глухого протеста против жестокости, забравшей жизни невинных людей.

– Игорь, ты ведь не серьёзно? – выдохнула Звягинцева, закрывая дверь отдела.

– Ты о чём? – погружённый в свои мысли Лаврин очнулся.

– Про то, что нам наплевать! – Анна, прищурившись, смотрела ему в лицо. – Что мы всего лишь ноги следователя.

– Успокойся. Просто достали его нравоучения, – процедил майор. – Это ему плевать. За своё кресло трясётся.

Звягинцева расслабленно улыбнулась.

– Сорок восемь часов, Игорь. Девочка проснётся только через пять. Что делаем?

– Ты, Аннушка, не кипятись. На то и начальник, чтобы подвигнуть нас на подвиг, – Лаврин шутил, но глаза оставались холодными. – Про сорок восемь часов не думай.

Он развернулся к Орлову.

– Дима, держишь связь с больницей. Как только медики дадут добро – сразу опроси.

– Нужно кого-то из родителей... – неуверенно начал Орлов.

— Не тупи. Просто ввались в палату, якобы о здоровье узнать, и аккуратно порасспроси — что да как. А сейчас все силы бросайте на уличные камеры. Район Крюкова кана-

ла плотный, застройка старая, уйти можно дворами, так что ищи любой подозрительный транспорт, уходящий от места нападения. Особое внимание — перекресткам на Садовой и Римского-Корсакова, проверяй всё, что движется в сторону Обводного, им нужно было как можно быстрее сойти с набережных.

— Понял, — коротко кивнул Орлов, натягивая куртку на мощные плечи.

— Я готова, — отозвалась Звягинцева.

Она резким, отработанным движением дослала пистолет в пластиковый паз на поясе, и кобура отозвалась коротким, сухим щелчком автоматического фиксатора.

Игорь молча кивнул, и его пальцы непроизвольно сжались в кулак до белизны в костяшках. В сознании две алые метки — Лиговский проспект и Крюков канал — теперь сливались в единую кровавую отметину на теле родного города. Это был дерзкий вызов, символ чужой безнаказанности, который им предстояло стереть любой ценой.

— Анна, едем на место, ищем позицию снайпера.

Глава 2

Девять тридцать. Желтовато-белесый октябрьский свет делал и без того серый пейзаж каким-то безрадостным и грязным. словно на бездушном стоп-кадре замерли инкассаторская «Газель» с распахнутой дверью и расстрелянная

«девятка». Тела убитых уже увезли. Оставались только машины, истерзанное нутро которых уже всю потрошили эксперты-криминалисты, да гул утреннего Петербурга, который в этот час уже всю задышался в дорожных пробках.

Майор Лаврин прибыл одновременно с баллистиками. Молча обходил огороженное полосатой лентой место, прищуренным взглядом выхватывая детали: стеклянные осколки, темные пятна на асфальте, неестественную заброшенность, что всегда следует за насилием. Он был похож на осторожного зверя, читающего по следам историю чужой смерти.

Неподалеку Звягинцева, сосредоточенно уткнувшись в планшет, синхронизировала данные. На экране жила интерактивная 3D-карта – цифровой призрак этого мрачного теперь места. Пока Лаврин впитывал атмосферу совершенного преступления, она создавала безупречно точную, лишённого эмоций виртуальную картину. Ее работа в эти первые минуты была не менее важна.

Пальцы девушки быстро скользили по экрану. Она поставила основные метки. Каждая новая метка была виртуальным гвоздем, прибивающим факт к месту и времени. Вот криминалист упаковал очередную гильзу и назвал ей номер – и она ставит точку на том месте, откуда её подняли, создавая будущую схему стрельбы. В руках Анны планшет превращался в криминалистический пазл, и она не торопясь подбирала разбросанные смертью кусочки.

Лаврин тяжело переступил через лужу, растянувшуюся у

колеса. Вода была мутной, с радужными разводами, и он на секунду замер, глядя на это безобразное месиво, на стылое отражение неба в нем.

– Не паниковали, методично работали. Красиво. Мерзко, но красиво.

Анна лишь кивнула, не поднимая головы. Её мир сейчас был сведён к яркому прямоугольнику в руках. Картина на экране складывалась в однозначную формулу: чёткая работа снайпера и несколько пистолетных гильз у парашюта.

К ним подошел эксперт-баллистик, щурясь на мост.

– Игорь. Предварительно: огонь по инкассаторам велся – откуда-то со стороны моста. Может, прямо из-за фонаря.

Взгляд Звягинцевой мгновенно оторвался от планшета и скользнул по массивной ограде моста и фигуре полицейского на посту. Мозг, настроенный на анализ пространства, сразу нашёл то, что искал: винтовку, аккуратно приставленную к перилам неподалеку от сотрудника в форме.

– Там, – коротко бросила она, уже ставя на виртуальной модели моста новую метку. – Уверена, позиция там.

Лаврин, не говоря ни слова, кивнул и сразу направился в указанном направлении. На асфальте валялись четыре гильзы и какая-то ветошь. У ограды рядом с фонарем стояла темно-серая матовая смерть – винтовка.

– Подойди! – крикнул он оттуда эксперту.

Пока они разбирались с винтовкой, Анна не прекращала работу. Она соединила найденную точку с местом убийства

виртуальным лучом, выстроив траекторию выстрела. Метка «снайпер» сменилась на точную и исчерпывающую: «Позиция снайпера».

Майор с экспертом склонились над оружием. Лаврин тихо присвистнул, затем громко, почти восхищенно выдал:

– Вот это подарок... Винтовка снайперская специальная, «Винторез»!

Выпрямился, вытянул руку в направлении «Газели» и как бы прицелился.

– Ребята непростые, – мрачно констатировал эксперт, надевая перчатку, чтобы аккуратно приоткрыть затвор. – Разбрасываться таким... Патрон в патроннике. Стрелял, но не до конца. Бросил и ушел. Похоже, плевать они хотели на оружие, – констатировал он.

Лаврин, не прикасаясь, тоже осмотрел винтовку.

– Бросили – значит задача выполнена, оружие больше не нужно. Или мешало при отходе. Кто же так разбрасывается дефицитным армейским спецоружием?

– Просто очень уверены в себе, – тихо добавил эксперт, фотографируя брошенный «Винторез». – Они ведь знали, что мы его найдем. Значит, оружие чистое и нам ничего не скажет.

– Похоже, ты прав, – согласился Лаврин. – Для них это – просто работа. И орудие работы – расходный материал.

Ветер с канала гулял по набережной, гоняя по асфальту пустую пластиковую бутылку.

Анна Звягинцева сделала последнюю пометку в планшете. Она собрала весь пазл происшествия в одну цифровую картину, чтобы ничего не упустить. И теперь, глядя на общую схему, где вырисовывалась четкая, безжалостная логика нападения, она понимала: головоломка только начинается, но ее первый, цифровой слепок с места преступления готов. Он станет основой, к которой они еще не раз будут возвращаться.

Три тела инкассаторов, две случайные жертвы и брошенная снайперская винтовка. Фрагментов головоломки в этой картине явно не хватало.

Орлов до рези в глазах всматривался в монитор. В отделе городских камер, освещенной лишь мерцанием экранов, было тихо и прохладно, словно в гробнице. За окном стоял хмурый питерский день, а он продирался сквозь архивные записи утренних улиц. Машин было мало – тот самый странный, сонный утренний час, когда деловой город еще не проснулся по-настоящему. Дмитрий всматривался в каждую фару, в каждый силуэт, пытаясь угадать в них злой умысел. И вот он – «Форд Транзит»! Словно белая тень, мелькнул на выезде с Садовой на проспект. Неприметный, как тысячи таких же. Но в нем было то, что зацепило взгляд оперативника. За рулем – человек в медицинской маске. С чего

вдруг? Болен или прятал лицо? И ехал Транзит не спеша, не суетясь, не привлекал внимания. Но по времени... по времени он идеально вписывался в узкое окно, когда произошло ограбление. Орлов отметил машину в своем блокноте галочкой. Слишком банально? Возможно. Но его опыт, пропахший кровью и порохом, шептал: именно за такими «совпадениями» и прячутся самые важные ключи.

После обеда ситуация сдвинулась с мертвой точки. Девочка пришла в себя, и это известие всколыхнуло. Орлов рванул в НИИ скорой помощи в надежде опередить официальный визит следователя. Ему было критически важно поговорить первым, пока холодный официальный протокол не встал между ним и хрупкими воспоминаниями свидетеля. Потом начнется процедура: обязательное присутствие родителей, психолога, следователя. А это всегда – помеха. Родители, сами напуганные и потрясенные, непроизвольно начнут защищать свое чадо, одергивать, подсказывать. А дети в такой обстановке закрываются. Живые, яркие детали тонут в страхе сказать что-то не так. И в этот момент теряется самое ценное – первое, не искажённое временем и чужими эмоциями, впечатление.

Девочка лежала на белой подушке, казавшейся огромной для её бледного личика. Голос был слабым, как шелест листа бумаги, но ясным: «Да, такая машина... я видела. Белая. Большая. Она стояла там... у перекрёстка...» Тонкие пальчики сжали край одеяла.

След обозначился: фургон — не мираж, не ошибка уставшего оперативника. Он был ключом. Ну, это хоть что-то. Номера, конечно, окажутся липовыми. Мысль Орлова летела дальше, опережая события. Вряд ли грабители продолжали разъезжать на этой машине по городу. Нет, они должны были сменить транспорт, раствориться в городском потоке.

Вернувшись в отдел, капитан поднял сводки происшествий за текущий день. Взгляд, намётанный на вычленение сути из вороха цифр и фактов, быстро выхватил короткую, почти незначительную строку: «обнаружен сгоревший фургон, марка «Форд Транзит», окраска белая». Совпадение было слишком очевидным.

– Наш, – скрипнув зубами, тихо прошептал он.

Группа выехала на место почти мгновенно. Сводка привела их в промзону, к старому котловану, заброшенному и заросшему бурьяном – давней ране на теле города, которую стараются не трогать. Дорога туда напоминала крошево из бетона и щебня, и запах гари, едкий и сладковатый, ощущался еще за сотню метров, как дурное предчувствие.

Остов машины нашли в глубокой колее у подножия насыпи. Когда-то белый, теперь он был черным, словно вырезанным из ночи, и обугленным. Кузов выгорел дотла, от сидений остались лишь голые, скрюченные пружины, напоминавшие зловещий скелет. Лобовое стекло расплавилось, вытекло по капоту мутными, застывшими слезами.

Криминалисты действовали методично, как хирурги на

сложнейшей операции. Один раскладывал свой волшебный чемодан с инструментами, другой фиксировал все на камеру с разных ракурсов, третий уже доставал щетки и реактивы, готовясь проявить тайны, которые пытался скрыть огонь. Воздух над местом происшествия все еще был густым и горячим. Пахло гарью, расплавленным пластиком и тлением – запах тотального, бесповоротного уничтожения. Огонь – самый надежный союзник того, кто хочет что-то скрыть. Он уничтожает многое, но нередко оставляет подсказки для тех, кто знает, где искать.

– Попробуем найти заводской номер, – бросил старший из криминалистов,.

Лаврин стоял рядом, не мешая, но каждое движение ловил взглядом. Криминалист в сером комбинезоне, похожий на героя из фантастического фильма, медленно, не суетясь, обошел остов машины. Его движения были неторопливы, почти ритуальны.

– Наклеек с номером нет, – констатировал он безразличным тоном, проводя рукой в перчатке по обгоревшему металлу стойки двери. – Сейчас поищем выбитый.

Его напарник, молодой парень с лицом, на котором усталость уже успела оставить свои следы, молча подал банку со специальным очищающим составом и мягкую латунную щетку. Эксперт опустил на корточки перед обугленным правым лонжероном – мощной продольной балкой, настоящим позвоночником автомобиля. Это было одно из самых

защищенных мест, броня автомобильной идентичности.

Криминалист начал работать щеткой, счищая слои сажи и окалины с тихим скребущим звуком. Металл оказался хоть и почерневшим, но целым. Он нанес раствор, который вступил в реакцию с нагаром, проявляя поверхность. Потом водил ладонью по очищенному участку, вглядываясь и вчитываясь в металл, как ясновидящий, пытающийся разглядеть судьбу.

– Лампу, – приказал коротко.

Напарник направил на лонжерон мощный фонарь под острым углом. Боковой свет отбрасывал тени от мельчайших неровностей. И тогда знаки проступили. Сначала призрачные, едва уловимые глазу. Потом все четче. Не краска, не штамповка, а вдавленные, выбитые в самой плоти металла символы. Цифры и буквы, пережившие адский жар.

Эксперт удовлетворенно крикнул, с трудом разгибая спину.

– Вот и паспорт вашего «Форда».

Он достал фотоаппарат и сделал серию снимков – с прямой вспышкой, чтобы каждая цифра и буква были видны как на ладони. Этот номер, эта уникальная метка была теперь ключом. Ключом к имени машины, к ее истории, а возможно, и к тем, кто за всем этим стоял.

Данные пробили по каналам. Вскоре, эхом из другого конца страны, пришёл ответ: «Автомобиль числится в угоне. Ростов-на-Дону, месяц назад».

Эта фраза повисла в воздухе тяжелым, осязаемым грузом.

Чужая машина, чужие номера, чужой город. Ниточка, такая хрупкая, потянулась куда-то далеко, в сторону незнакомых улиц и чужих интересов.

Лаврин потёр шею, чувствуя, как нарастает привычное давящее напряжение. Цепочка сомкнулась: запись с камер, слова девочки – и теперь этот обугленный остов, пришедший из Ростова.

К вечеру кабинет полковника Андрея Ковальчука снова ожил. За длинным столом собрались все причастные: майор Лаврин, капитан Звягинцева, капитан Орлов, следователь Следственного комитета Сергей Макаров и эксперт-криминалист Тимур Токтаев.

На столе, в центре, красовались фото сгоревшего «Форда». Докладывал Лаврин.

– Наш «Транзит», который Орлов засек на выезде, сегодня нашли в карьере. Сгорел полностью. Девочка подтвердила: белый фургон был на месте преступления. VIN-номер восстановлен. По базе ГАИ – угнан месяц назад в Ростове-на-Дону.

Следователь Макаров задумчиво провёл пальцем по крышке стола:

– Использовали угнанную машину и избавились от неё. Классика. Вопрос: зачем гнать этот фургон за тысячу кило-

метров? Не проще взять машину на месте?

– Это как посмотреть, – Лаврин хмыкнул еле слышно. – Может для них так проще показалось. Не светить документы в транспорте, не суетиться с угоном на месте. Сразу оказать-ся на колёсах.

Эксперт-криминалист откашлялся, привлекая внимание. Он говорил тихо, но к нему прислушивались.

– Товарищ полковник, у нас два критических момента. Первый: фургон уничтожен методом подрыва, а не просто поджога. Использовалось самодельное взрывное устройство, заложенное в салоне. Это не банальный поджог – это инженерное уничтожение. Активация – дистанционная. Обеспечили время на отход, до того, как заметят горящую машину и придут пожарные.

В кабинете прокатился глухой ропот. Ковальчук жестом приказал всем замолчать.

– Второй момент касается снайпера. Мы проанализировали гильзы и траекторию попадания в бронестекло. Они использовали «Винторез» с бронебойным патроном СП-6. Этот патрон разработан для пробития бронежилетов и легкобронированной техники. Потому как два выстрела легли в одну точку – снайпер имеет отличную подготовку. Это чисто армейский след. Прямо почерк диверсантов.

Повисла тяжёлая пауза. Лаврин, глядя в одну точку, медленно заговорил:

– Если устройство подрыва дистанционное – его собирал

профессионал. Приехали. У нас диверсионная группа. Снайпер с «Винторезом», сапёр с самодельным взрывным устройством и транспорт из Ростова. Если после нападения на Лиговке мы не нашли зацепок, значит, их и не должно было быть. Группа действовала с расчётом на продолжение. Сегодня они избавились от всего: и машину сожгли, и винтовку оставили. Готов предположить, что они выполнили свой план.

– И даже перевыполнили, судя по сумме, – Ковальчук резко хлопнул ладонью по крышке стола. – Я что должен наверх докладывать?! Про диверсантов, твою мать?!

– Нужно пробить по сводкам и базе ДПС – не мелькала ли эта машина где-то ещё, – продолжил Лаврин, оставив реплику полковника без внимания. – Если фургон ждал своего часа месяц, он должен был где-то стоять и передвигаться.

Ковальчук устало кивнул – резко бросил ручку на стол. Затем поднял глаза на Орлова:

– Капитан. Оформляй командировку. Едешь в Ростов. Разберись на месте – что там по угону. Пробивай угонщиков на связи с армейскими или криминальными структурами.

Орлов, не глядя на начальника, поднял руку.

– Товарищ полковник, прошу разрешения выехать на служебной машине. Это самый быстрый способ оказаться на месте завтра утром. Да и колёса там понадобятся. Неизвестно, что там у коллег с транспортом. Также прошу прикомандировать для работы на месте капитана Семёнова – он знает

Ростов.

Полковник, не отрывая взгляда от лица капитана, немного подумал и коротко кивнул.

– Согласовано. Вызывайте Семёнова. Его взгляд скользнул по остальным присутствующим. – Звягинцева, твоя работа – всё, что связано с «Фордом» до дня нападения. Проверь всё: сервисы, мойки, камеры. Да! Ещё. Проверьте сотрудников банка. Наверняка был инсайдер. Кто-то же слил информацию по инкассаторам. Лаврин – ответственность по всем вопросам на тебе. И помни, 48 часов никто не отменял.

Майор согласно кивнул. Ростов – зацепка? Пусть это всего лишь ниточка, но она была настоящей, материальной.

– Всё. Свободны, – резко подвёл черту Ковальчук.

Когда Орлов вернулся в отдел, Лаврин застыл у доски, глядя на фотографии: белый, неприметный фургон на кадрах камеры и его же остов – чёрный, искорёженный. Контраст был слишком резким, слишком символичным.

– Ну что, Дима, удачи, – кивнул Лаврин, обернувшись.

Орлов бросил папку с документами в сумку, добавил планшет. В дверях появился капитан Семёнов.

– Привет всем. Машина готова. Едем?

Служебная «Шкода Октавия» мягко тронулась от здания Главка. Семёнов был за рулём, Орлов на пассажирском сиденье с планшетом на коленях. Машина скользнула в ночную мглу, оставляя за собой городские огни. Впереди был долгий путь.

Лаврин сидел за своим столом и смотрел в никуда. Что принёс этот день?

Транспорт грабителей – след тянется в Ростов. Состав группы – трое налётчиков. Девочка видела их: чёрные балахоны. Странное слово для ребёнка. Наверное, это Орлов интерпретировал её объяснения – скорее всего, она имела в виду свободную чёрную одежду. Плюс маски. Трое. А ещё снайпер. Четверо. Подготовленные, организованные, вооружённые специфическим оружием.

Гильзы, собранные на месте налёта, были от «Глока». Наверное, с глушителем. Девочка не слышала выстрелов – всё сходилось. Плюс «Винторез» – оружие спецподразделений. Откуда такое «счастье»? Вопросы множились.

Он всё смотрел в одну точку. И только когда Анна подняла голову от планшета и вопросительно взглянула на него, Игорь понял, что весь этот час просидел, уставившись в её сторону. Нет, он не видел её – он был погружён в собственные мысли.

Майор слегка усмехнулся. Анна устало улыбнулась в ответ. Короткая стрижка подчёркивала правильные черты лица, спортивная фигура – привычку держать себя в форме. Она никогда не пользовалась яркой косметикой, выглядела просто и аккуратно – и именно эта простота импонировала, в ней было что-то естественное и настоящее. Неброская, но теплая красота. В её взгляде всегда светило спокойствие,

какая-то живая уверенность – и этот свет притягивал сильнее любой искусственной привлекательности.

Они работали вместе уже год. Анна была отличным аналитиком, уверенно обращалась с компьютером и разбираясь в базах данных лучше любого системщика. Лаврин встретил её в Выборге, когда вёл дело об убийстве банкира. Тогда она сидела в архиве, занимаясь оцифровкой старых дел, и помогла ему найти несколько деталей, которые круто изменили весь ход расследования.

Игорь сразу отметил в ней то, чего не хватало многим: внимание к мелочам, спокойствие и редкое умение думать наперёд. Девушка сразу ему понравилась, он даже подумывал ухаживать, но Анна держалась отстранённо. Хотя притяжение между ними было – он это чувствовал. Но раз нет, значит, нет.

Зато он понял: такая нужна ему в группе. Предложил – и она согласилась без колебаний. Ковальчук упирался, пришлось задействовать дядю. Один звонок генерала решил вопрос. Полковник поворчал, но быстро смирился: Звягинцева доказала, что справляется лучше многих.

За это время они сблизились, но ни разу не переступили грань служебных отношений. Дружба – и только. Однако Лаврин не раз ловил себя на том, что именно её присутствие делает их работу чуть теплее, чуть человечнее.

Он не был к ней равнодушен. Ни тогда, ни сейчас. Иногда, когда Анна склонялась над его плечом, заглядывая в экран

монитора, или поправляла волосы – в нём ворочалось что-то глухое, давно не востребованное. Тянуло подойти, коснуться её. Но он помнил её недвусмысленный отказ там, в Выборге. И возникшее между ними отчуждение, которое пришлось преодолевать. А теперь субординация делала любые намёки на отношения невозможными. Рамки поставила служба – и они обязаны были их соблюдать. Однако подспудное желание близости никуда не исчезло; оно просто научилось жить в полутонах, в этих молчаливых вечерах, когда они засиживались в кабинете вдвоём.

– Чего домой не идёшь? – спросил он, заметив, что Анна всё ещё сидит над планшетом.

Она пожала плечами.

– Домой. Отдыхать, – сказал Лаврин резко, почти приказал.

Анна усмехнулась, выключила планшет, встала и ушла. Унося с собой какое-то внутреннее тепло, от которого Лаврину всегда становилось чуть легче.

Майор поднялся. Живот утробно заурчал. Дома – только консервы и бутылка виски. Значит, ресторан.

Он зашёл в небольшое кафе неподалёку от главка. С виду – ничего особенного, но внутри пахло так, что мгновенно просыпался зверский аппетит. Кухня здесь была на зависть любому пафосному ресторану.

Хозяйка заведения, Марина, была его давней знакомой.

Отношения у них завязались около года назад – простые, не обременяющие. Она радушно принимала Игоря, вкусно кормила. Иногда они встречались в отелях. Ни обязательств, ни сцен ревности, ни лишних откровений – обоим такой формат был удобен. Лаврин знал, что Марина замужем, но брак давно превратился в фикцию. Муж беспробудно пил, годами паразитировал за её счёт, они спали в разных комнатах и существовали как чужие люди, которых связывает разве что штамп в паспорте.

– Привет, Игорь, – улыбнулась Марина, встретив его у стойки. В её глазах читалось спокойное, привычное внимание. – Как всегда?

Лаврин лишь кивнул. Заказ был неизменным: солянка, стейк средней прожарки и бокал плотного красного вина. Марина сама принесла поднос и, заметив его измотанный вид, молча уселась напротив. Всё выглядело естественно, как десятки раз прежде. Они лениво перебросились парой ничего не значащих фраз, и вдруг она тихо, совершенно буднично произнесла:

– Поехали ко мне.

В её голосе не слышалось ни кокетства, ни призыва. Чистая констатация факта – такое же простое и понятное предложение, как солянка со стейком.

Лаврин медленно выдохнул, глядя на неё через край бокала. Марина ни разу не приглашала его на свою территорию. А тут – позвала сама.

– А муж? – он удивлённо приподнял бровь.

– Его больше нет, – спокойно ответила она, даже не моргнув. – Выгнала.

Игорь выжидающе молчал, сканируя её лицо профессиональным взглядом опера. Он прекрасно понимал: просто так, без тектонического сдвига, Марина бы не решилась. Значит, нарыв наконец лопнул.

– Не вытерпела. Давно пора было, – продолжила она, двигая его пустую пустую тарелку. – Он за последние пять лет работал ровно три месяца. Сначала уволился «искать себя», потом пахать на дядю стало «не по статусу», а последние два года просто врос в диван. Компьютерные игры, пиво и бесконечные «гениальные бизнес-планы», которые заканчивались ничем.

Она говорила спокойно, без надрыва. Просто наконец выкладывала факты, которые копились годами.

– А позавчера... – Марина на секунду прикрыла глаза. – Позавчера он нажрался. Пришёл за полночь – в хлам. Начал наезжать, ну я и психанула. Высказала всё. Сказала, что больше ни копейки от меня не увидит. Кончилась халява. Тут его и переклинило. Схватил со стола кружку и запустил в стену прямо у моей головы. А потом пошёл на меня с кулаками. Рожа дикая, глаза бешеные. Я его таким никогда не видела. Рванула в подъезд, и на улицу – босиком, в одной домашней кофте. Ночевала у подруги.

Она замолчала, взяла пустую чашку. Задумчиво покрути-

ла её в пальцах, горько усмехнулась и вернула на стол.

– Наутро вернулась. Он уже проспался. Извинялся, скулил: мол, толком ничего не помнит, бес попутал, пьяный был. Я даже слушать не стала. Впрочем, и не злилась особо. Как отрезало – словно выгорело всё внутри. Спокойно собрала его шмотки в мусорные пакеты, выставила на лестничную клетку. Он долго орал под дверью, крыл меня матом на чём свет стоит. Я вызвала участкового. А потом сменила замки.

В её голосе слышалась не боль, а глубокое, усталое облегчение. Словно она наконец сбросила чужой хлам, который тащила на себе слишком долго.

В свои сорок Марина выглядела превосходно: ухоженная, с плавными, породистыми линиями лица и притягательной женственной фигурой. Лаврин почувствовал, как его охватывает знакомое желание – простое и понятное. Хотелось отвлечься от крови Крюкова канала и кабинетных нотаций Ковальчука. Забыться хотя бы на пару часов. А её приглашение теперь, когда квартира освободилась от постороннего присутствия, звучало логично.

– Поехали, – коротко кивнул он, отодвигая стул.

Новый внедорожник BMW мягко урчал мощным мотором, унося их сквозь неоновые блики питерской ночи. В квартире Марины оказалось непривычно уютно: ровные ряды книг на полках, мягкий полумрак, тёплый свет торшера. Бокал вина, её улыбка, едва уловимые касания – и Игорь ко-

жей ощутил, как тяжесть сумасшедшего дня начинает понемногу отступать.

Они практически одновременно вспыхнули накопившимся желанием. Живая, страстная женщина на время вытеснила из головы Игоря все лишние ментальные надстройки. Он позволил себе расслабиться, впитывая простое человеческое тепло и забывая – пусть на короткий срок – о том, что не отпускало его в последние дни.

Позже он лежал в темноте и смотрел в потолок. Марина спала, доверчиво прижавшись к его плечу. Это прикосновение казалось по-домашнему уютным и... собственническим. Стараясь не потревожить её, он дотянулся до пачки сигарет на прикроватной тумбочке. Не курил уже больше года, но сейчас отчаянно захотелось затянуться – будто едкий дым мог выжечь набегающую волну тревоги. Не выжег. Мысли, вернулись с удвоенной силой, словно и не уходили: четверо в чёрном тактическом обвесе, снайперский «Винторез», угнанный фургон и ростовский след.

Лаврин слишком хорошо знал эту закономерность: стоит дать слабинку – и она тут же превращается в уязвимость. Он приехал сюда не из-за искреннего порыва, а от банальной, выматывающей усталости. В этом и крылась ошибка – принять истощение за жажду близости, а секундную потребность в тепле – за готовность впустить постороннего человека в свою жизнь.

Под утро он тихо оделся. На секунду задержался в дверях,

разглядывая её безмятежное лицо в слабом свете ночника.

«Теперь она свободна, – мелькнуло в голове. – Будет строить планы».

Планы, в которых ему не хотелось быть ни соавтором, ни даже временным участником. Игорь ведь ясно понимал это с самого начала, но всё равно переступил черту и зашёл на её территорию. Позволил себе оказаться в этой квартире, а Марине – спроецировать его фигуру в своё будущее. Будто надеялся, что для неё эта ночь останется просто ночью. Но такие женщины, как она, не размениваются на пустые эпизоды.

Для него всё заканчивалось здесь. Да, рядом было спокойно. Но за порогом этой спальни – пустота. Не трагедия, не острая боль, а именно глухое остывание: короткая вспышка, жар, а затем серый пепел. Никакого вечного огня. И самое паршивое – осознание, что он с самого начала знал, чем всё кончится.

Игорь бесшумно притворил входную дверь и исчез в пред-рассветных сумерках Питера, унося с собой не сожаление, а привычный, пустивший корни комок вины – за ещё одну разрушенную надежду, которую он сам же и породил.

Впереди снова ждали чужая кровь, сухие сводки и пого-ня за призраками. Всё остальное было лишь короткой пере-дышкой.

Едва щелкнул язычок замка Марина открыла глаза. Она горько усмехнулась, сразу поняв: он больше не вернётся.

Впрочем, она и раньше не строила иллюзий, рассчитывая лишь на редкие, ни к чему не обязывающие встречи.

«Зря испугался, – подумала она с лёгким сожалением, укутываясь в одеяло. – Что ж, ладно. Мы из разных миров. Так даже правильнее».

День тянулся в вязком ожидании. Петербургский отдел барахтался на месте, словно в трясине: работали, не поднимая головы, но всё упиралось в пустоту. Лаврин с утра развесил на магнитной доске распечатки – карта города, место обнаружения «Форда», схемы инкассаторских маршрутов. Красные маркеры соединяли точки, образуя паутину, но та оставалась мёртвой. Ни одного живого движения.

Звягинцева сидела за монитором, углубившись в списки сотрудников банков, инкассаторов, технического персонала. Методично исключала одно имя за другим.

– Все, кто имел прямой доступ к информации о перевозках, проверены, – её голос прозвучал устало. – Ни у кого нет подозрительных связей, долгов, криминального прошлого. Ни пересечений, ни странных контактов.

Лаврин, не отрываясь от доски, мрачно проворчал:

– Они знали, что мы будем проверять именно эти списки. Значит, информация пришла с другой стороны. Через наблюдателя, через случайную утечку... Нужно расширять

список. Охватить всех, кто мог хотя бы краем глаза увидеть график.

Он отошёл от доски и тяжело опустился в кресло. Впереди были долгие часы такой же кропотливой, безрезультатной работы. Самый трудный этап расследования – когда все очевидные версии исчерпаны, а прорыва всё нет. Оставалось лишь методично, слой за слоем, снимать пласты информации в надежде наткнуться на ту самую, единственную трещину.

– Понятно, – сухо бросила Анна, не отрывая взгляд от экрана.

Лаврин только кивнул. Слова в такой ситуации мало что значили.

Тем временем далеко от Невы, в Ростове-на-Дону, Орлов и Семёнов встретились с Виктором, владельцем угнанного «Форда». Мужчина выглядел угрюмым и равнодушным – казалось, машина была для него делом прошлого.

– Да бесполезно искать, – протянул он, закуривая прямо у ворот свежевыкрашенного гаражного бокса. Дым табака смешался с запахом краски. – На нём GPS-навигация была. Я-то только часа через три кинулся, когда сосед сказал, что ворота открыты, а машины нет. Понял, что угнали. Включил приложение. Вижу – машина уже на въезде в Двуреченск. Там АЗС перед поворотом. Только собрался в полицию звонить, чтобы срочно перехватывали, а сигнал – раз! – и пропал. Видимо, нашли мою сигналку и отключили. Ребята не

лаптем щи хлебают, — он мотнул головой, глядя на пепел. — Эту навигацию отключить не так просто, там защита от скак-неров. Значит, спецы. Ну я и плюнул. Раз двинули на Двуре-ченск — дальше и думать нечего. Там граница с Луганском. Ушла моя машинка на Украину. Перепродали или раскида-ли на запчасти. Там сейчас бардак... Кому какое дело до од-ного угнанного фургона?

Он бросил окурок, раздавил его каблуком и посмотрел на оперативников с горькой усмешкой:

— Ваше дело, конечно, но зря время теряете. Там следы простынут быстрее, чем вы бумаги оформите.

Он говорил спокойно, даже слишком. В его тоне слыша-лось странное облегчение, словно он давно похоронил свою «ласточку».

Орлов прервал его, сухо и прямо:

— Ваш «Форд» не на Украину ушёл. Его нашли в Петер-бурге. Сожгли после ограбления инкассаторов.

Виктор на секунду замер, затем лишь печально усмехнул-ся и развёл руками:

— Ну вот... Я же говорил. Бесполезняк.

Капитан недоумевал. Спокойное, почти равнодушное от-ношение хозяина к сожжённой машине выглядело подозри-тельно. В голове всплыла догадка.

— КАСКО? Фургон застрахован? — вкрадчиво поинтересо-вался Орлов.

Виктор кивнул и осклабился.

– Застрахован. Говорил же – напрасно время тратите.

Но его слова не охладили решимости Орлова. Выбор был сделан: двигаться в Двуреченск. Машину явно отстаивали там, пусть и недолго. Найти точное место маловероятно, но пообщаться с местными коллегами было необходимо. Чем чёрт не шутит. Орлов и Семёнов договорились о выезде на рассвете.

В Петербурге тем временем день клонился к вечеру. Из криминалистической лаборатории пришёл результат по баллистике: «Винторез» из партии, отправленной в Ростов в 2018 году в распоряжение одного из спецподразделений. Официальный запрос военным написали немедленно, но ответа, как водится, придется ждать не один день.

К вечеру Орлов позвонил Лаврину. Сначала доклад был сухим и деловым: маршрут, ориентировки, договорённости о выезде. Но когда прозвучало название «Двуреченск», в трубке повисло напряжённое молчание.

– Серьёзно? Двуреченск? – наконец, тихо и без выражения, спросил Лаврин.

Орлов не понял причину паузы. Для него это был всего лишь географический пункт, приграничный городок. Для Лаврина – город, где погибли его родители. Там он похоронил своё прошлое, закрыл дверь и уехал, чтобы больше никогда не возвращаться. И теперь именно туда вёл след.

Закончив разговор, Игорь отложил телефон и остался сидеть в тёмном кабинете. За окном переливались огни вечер-

него Петербурга, но он видел пыльные улицы южного городка, ощущал запах полыни и горячего асфальта, смешанный с горькой памятью о потере.

Дело о дерзком ограблении, пусть со скрипом, но стронулось, медленно набирая обороты. Ниточки потянулись, попутно разматывая клубок прошлого, вытаскивая на свет живую боль давно забытых ран.

Глава 3

Здание банка «Санкт-Петербург» на Малоохтинском проспекте выделялось даже на фоне современных зданий делового квартала — колоссальная футуристическая башня, целиком отлитая из тонированного стекла. Изогнутый прозрачный цилиндр высился над Невой уверенно, будто место это всегда принадлежало ему. В облике здания ощущалась холодная, высокотехнологичная уверенность и расчёт. Огромный стеклянный фронт главного входа, равнодушный к переменам власти и человеческим судьбам, отражал лишь бегущие осенние облака.

Лаврин всегда настораживался при виде таких зданий — слишком идеальных, транслирующих абсолютную прозрачность. Но за зеркальным глянцем подчас прятались самые грязные тайны... Сегодня он пришёл искать трещину в этом безупречном стекле.

После безуспешных попыток Звягинцевой выудить хоть

что-то из списков сотрудников Игорь решил поговорить с начальником службы безопасности банка лично. Он не доверял отчётам и характеристикам — бумаги лгут мягко и красиво, особенно если их готовят те, кто умеет это делать.

Когда на парковке Лаврин заметил знакомый тёмно-синий «Форд Фокус», сердце невольно пропустило удар.

— Да ладно... — выдохнул он.

Звягинцева? Здесь? Без доклада, без звонка? Он устоял на номер, словно надеялся, что ошибся. Не ошибся. Поднял глаза и успел увидеть, как его подчинённая, в строгом сером костюме, скрылась за массивными стеклянными дверями. Несколько секунд Лаврин сидел, сжимая руль, а потом, сдавленно вздохнув, будто перед прыжком в холодную воду, вышел из машины.

Просторный холл поглотил его. Внутри всё было подчинено невидимому контролю: ровные голоса, приглушённые шаги, турникеты с охраной, будто само здание было живым существом, ревностно охраняющим установленный порядок. Отделка отсылала к античной классике — высокие потолки, гранитные полы, колонны, мрамор, сдержанная роскошь без единой лишней детали. В этой холодной правильности было что-то от старого Петербурга: не изящество, а расчёт, не красота, а право на неё.

За стойкой ресепшена из искусственного камня сидела девушка с безупречным макияжем. Её отточенный взгляд уже оценивал его, определяя статус с первого шага.

— Майор Лаврин, — он протянул удостоверение. — Мне нужен начальник службы безопасности.

Девушка слегка нахмурилась, словно Лаврин нарушил идеально выстроенный распорядок дня, и подняла трубку. Короткий, невнятный разговор.

— Прошу пройти, — она не изменилась в лице. — Кабинет двести пятьдесят, пятый этаж.

Стеклянный лифт поднял Игоря быстро и бесшумно, словно призрак, скользящий сквозь этажи. Пятый этаж, длинный коридор, тихий, как больничная палата, с запахом дорогого офисного пластика и освежителя воздуха с нотками цитруса и сандала. Кабинет двести пятьдесят.

Он постучал и, не дожидаясь ответа, вошёл.

В кабинете он застал Звягинцеву, сидящую в кресле у стены. За столом — сухопарый мужчина за пятьдесят, затянутый в идеально сидящий дорогой костюм. Этакое воплощение корпоративной неброской солидности.

— Доброе утро. Майор Лаврин. Игорь Сергеевич. Старший оперуполномоченный по особо важным делам.

— Ветров Михаил Андреевич, начальник службы безопасности, — представился мужчина, внимательно разглядывая гостя. Голос у него был низкий, уверенный. — Присаживайтесь.

— Анна Викторовна, — в голосе Лаврина не было ни капли раздражения, только неподдельный, живой интерес, — я, признаться, удивлён. Ставить в известность — больше не в

ваших правилах?

Звягинцева, не меняя выражения лица, молча достала телефон и развернула его к нему. На экране горел список вызовов – несколько неудачных попыток дозвониться ему.

– Я всё утро звонила, Игорь Сергеевич, – голос оставался ровным, но в нём проскользнул тонкий упрёк.

Лаврин сунул руку в карман куртки, вытащил свой аппарат, нажал кнопку. Экран остался чёрным и безжизненным.

– Чёрт... – буркнул он себе под нос, с досадой глядя на мёртвый дисплей. – Забыл поставить на зарядку.

Он скривился, мысленно костеря себя за непростительную оплошность, затем сдавленно выдохнул, стараясь смягчить тон:

– Виноват. Признаю.

И обернулся к мужчине за столом.

– Мы тут уже начали беседу. Анна Викторовна в курсе... – начал Ветров.

– В курсе чего? – перебил его Лаврин, настороженно переводя взгляд на Звягинцеву.

Анна спокойно пояснила:

– Мне с утра позвонил Михаил Андреевич. Один из сотрудников – системный администратор Кузьмин Олег Викторович – второй день не выходит на работу. Телефон недоступен.

– Так, – кивнул Лаврин. – Подробности?

– Работает у нас два года, – Ветров сцепил пальцы на сто-

ле. – Семейный, ребенок. Репутация безупречная. Тихий, исполнительный. Но, – он сделал многозначительную паузу, – у него был полный доступ ко всей сетевой инфраструктуре. Он мог знать всё: маршруты инкассаторов, графики, точки выгрузки.

Лаврин нахмурился.

– Серьёзно? И вы заметили его отсутствие только на вторые сутки?

– Именно. – Ветров чуть развёл руками, в его жесте сквозило бессилие перед банальностью ситуации. – Тихий был. Незаметный.

Лаврин резко поднялся.

– Адрес Кузьмина.

Ветров кивнул, обратился к клавиатуре, и через мгновение в углу зажужжал принтер, выплёвывая листок с данными.

– Здесь всё: адрес, домашний телефон, контакты жены, – Ветров протянул распечатку Лаврину и решительно проговорил: – Я еду с вами.

Игорь на секунду задержал на нём взгляд, оценивая. В глазах безопасника он увидел не просто формальную заинтересованность, а нечто большее – личную ответственность. И он кивнул, коротко и деловито.

– Запретить не могу.

Приняв распечатку, он повернулся, не тратя времени на разговоры. Звягинцева быстро поднялась, торопясь следом.

Когда они вышли из здания, над городом, почти касаясь верхушки стеклянной башни, сгустились серые тучи. Игоря вдруг охватило ощущение надвигающейся неприятности. И это ему совсем не нравилось.

– Тебе Орлов не звонил? – мрачно спросил он.

– Нет, – коротко ответила Звягинцева.

Игорь кивнул, недовольно кривя губы.

Они расселись по машинам. Ветров в черном люксовом внедорожнике тронулся следом за BMW Лаврина.

Через полчаса машины свернули с проспекта в спальный микрорайон. Пока весь город судорожно пульсировал в деловом ритме и пробках, здесь время текло по-другому — медленнее, отмеряемое криками детей на игровых площадках, скрипом качелей и интервалами между рейсами автобусов.

Район был типичным продуктом недавнего благоустройства — такое любят показывать в муниципальных отчётах. Пятиэтажные «хрущёвки», ещё пару лет назад облезлые, теперь были аккуратно выкрашены в спокойные песочные и бежевые тона — в ту самую «губернаторскую» гамму, что залила спальные районы Петербурга. Во дворах — стандартные игровые площадки, новые скамейки, свежеложенная плитка и на удивление ровный асфальт.

Всё выглядело чистенько, прилично, ухоженно. Но эта благополучная картинка показалась Лаврину странно безжизненной — будто район изо всех сил старался выглядеть

благополучным, и эта натужная старательность лишь подчёркивала его неживую, казённую суть. Может, ничего такого и не было, просто сыграло роль настроение Игоря.

Их маленький кортеж замер у очередной свежееотремонтированной пятиэтажки. Лаврин с нескрываемой скукой окинул взглядом фасад – безликая коробка, как и все остальные. Крики детей на площадке звучали буднично и не нарушали общую атмосферу благоустроенного района. В чистом подъезде пахло не просто моющим средством, а едкой химической свежестью, которая пыталась перебить привычную для Питера сырость, но справлялась с этим чересчур усердно – до тошноты.

На третьем этаже Лаврин нажал на звонок. Из-за двери не донеслось ни единого шороха. Он постучал костяшками пальцев – сначала коротко, потом раздраженно сжав губы. Он молотил ладонью по железу, уже не скрывая нетерпения. В ответ – только тишина.

– Никого, – буркнул Игорь, и его взгляд переместился на соседнюю дверь с полированным глазком.

После звонка дверь приоткрылась на длину цепочки. Сухонькая старушка в стеганом халате с любопытством и опаской разглядывала неожиданных гостей.

– Извините, вы Кузьминых не видели? – вежливо, но настойчиво спросил Лаврин, предъявляя удостоверение.

Старушка покачала головой, ее сморщенные губы поджались.

– Олега? Вчера – нет, сегодня тоже. И Алены с Данечкой не видно. А что такое? С ним что-то случилось?

– Разбираемся, спасибо, – Лаврин уже отступал от двери, доставая телефон.

Он набрал номер местного отделения, потребовал участкового. Капитан полиции появился минут через пятнадцать – не спеша поднимаясь по лестнице, с чёрной папкой, зажатой подмышкой. Он явно не ожидал ничего хорошего от такого визита.

– Майор Лаврин, – представился Игорь, разворачивая удостоверение. – Нужно вскрыть квартиру.

– На каком основании? – настороженно поинтересовался капитан, оглядывая компанию: майора, женщину в костюме и важного господина в дорогом пальто. – У меня нет никаких оснований для вскрытия...

– На основании того, что оттуда газом пахнет, – резко, не оставляя возражений, сказал Лаврин. Его взгляд был твердым.

Капитан неуверенно принялся у дверной щели. Ничего такого он не уловил и с сомнением помялся, косо глядя на майора.

– Точно, – тихо, но четко добавил Ветров, подходя ближе. – Пахнет. Может рвануть.

Это была наглая ложь, но сказана она была с такой леденящей уверенностью, что капитан сдался.

– Хорошо... – проямлил он, доставая мобильный. – Вы-

зову слесаря.

Хмурый мужчина в форменной спецовке и с чемоданчиком инструментов появился довольно быстро. Через несколько минут раздался щелчок, и дверь в квартиру Кузьмина отворилась с тихим скрипом.

Изнутри пахнуло не газом. Тяжелый, спёртый воздух ударил в ноздри – смесь сладковато-металлического запаха запёкшейся крови и тления – запах смерти.

Они вошли. Квартира была простой, но аккуратной – видно, что люди не шиковали, но старались обустроиться. Тесная прихожая – на вешалке куртки и детский комбинезон. В гостиной комплект недорогой мебели из светлого дерева, диван с бархатной обивкой и новый телевизор на стене. На полу – пушистый ковер с геометрическим узором. На столе – кружка с недопитым чаем, рядом детская раскраска с ярким, неаккуратно покрашенным динозавром. Обычная жизнь обычной семьи.

Но эту жизнь перечеркивал труп посреди комнаты.

На ковре, в пятне запекшейся, почти черной крови, неестественно скорчившись, лежал мужчина. Кожа его лица была мраморно-бледной, рот приоткрыт в безмолвном крике. На простой домашней футболке с длинными рукавами зияли три темных, рваных отверстия. Одно – на запястье, второе – глубоко в предплечье, словно он пытался защищаться. И третье, самое страшное – точный, аккуратный удар под ребра.

Ветров сделал шаг вперед и неприятно нахмурился. Его идеально отутюженный костюм резко контрастировал с ужасом происходящего.

– Да. Это... это Кузьмин, – мрачно подтвердил безопасник хриплым сорвавшимся голосом.

Лаврин не двигался. Он стоял и смотрел на эту картину: на простой уют, детскую раскраску и на холодную, расчетливую жестокость в центре этого быта. То чувство надвигающейся неприятности, которое он ощутил у банка, наконец материализовалось. Оно витало здесь, в душной квартире, смешиваясь с тяжелым запахом тлена.

Эксперты работали спокойно, уверенно. Лаврин стоял у стены, наблюдая: один фотографировал тело, второй наносил на планшет схему расположения предметов и следов.

– Что скажешь, Миша? – Игорь посмотрел на эксперта в упор.

– Ничего, – недовольно буркнул тот. – Всё после вскрытия.

– Ладно тебе. Предварительно хотя бы. Может, что-то необычное? – не отступал Лаврин.

Михаил тяжело вздохнул, достал из чемоданчика металлический зонд и осторожно ввёл его в рану на груди убитого. Деления на стержне хищно блеснули под светом лампы. Он проверил направление и глубину хода, коротко кивнул – зафиксировал результат.

– Ну что, майор... – голос эксперта был сухим и бесстрастным, как медицинский протокол. Он указал зондом на тело Кузьмина. – Имеем три ножевых ранения, нанесённых, судя по всему, одним и тем же орудием. Лезвие узкое, обоюдоострое или полуторное. Длину определим позже, но не менее десяти сантиметров. Рваный, глубокий порез на левом предплечье. Классика – потерпевший пытался блокировать удар или уворачивался, когда увидел нож. Это защитная травма, нанесена, вероятно, первой или второй, когда потерпевший осознал опасность. Глубокий порез правого запястья, – эксперт наклонился ниже, отмечая маркером на схеме, – не критический, но очень болезненный. Его нанесли, чтобы сломить сопротивление, буквально выключить руку.

Он выпрямился, сделал шаг в сторону.

– И вот смертельный удар. Это явно работа профессионала, или человека, который точно знал, куда и как бить, – он взял паузу, прокашлялся. – Левее соска, четвёртое межрёберье. Направление – снизу-вверх и внутрь, – эксперт показал рукой линию движения. – Удар нанесён резким, сильным толчком, без замаха. Предположительно повреждено лёгочное ушко и, скорее всего, пробита стенка левого желудочка сердца. Это гарантированная смерть. Потерпевший теряет сознание в считанные секунды – массивное внутреннее кровоизлияние.

Эксперт перевёл взгляд на ковёр, где бурое пятно уже потемнело и затвердело, словно глянцева плёнка, и заговорил

тише:

– Тот, кто это сделал, знал анатомию. И не тратил время на лишние удары. Всё сделано быстро, точно. И, судя по количеству крови, сердце работало ещё какое-то время, прежде чем остановиться, – он чуть помолчал, потом добавил: – Так действуют не просто «уверенные». Это схема ножевого боя спецподготовки – короткая дистанция, три движения, без замаха, по «схеме».

– То есть – военный? – уточнил Ветров.

– Или кто-то с соответствующей подготовкой. Но почерк – профессиональный.

Фотограф щёлкал вспышкой, свет дробился на стекле, превращая комнату в подобие театра теней. Лаврин слушал, и с каждым словом ощущал, как в груди поднимается давно забытое, холодное и вязкое чувство.

Шестнадцать лет. Целая вечность. Тогда он был просто пацаном, для которого мир в одночасье раскололся надвое. Родителей нашли ночью, в каких-то ста метрах от дома. Его не пустили смотреть. Не дали увидеть то, что осталось от мамы и отца. И, может, это было милосердием – он до конца не понимал, не осознавал масштаба случившегося. Потом началось что-то невнятное, пугающее: допросы, протоколы, чужие лица. Затем – переезд, другая жизнь, в которой надо было заново учиться дышать.

Когда Игорь уже носил погоны, ему удалось поднять то старое дело из архивов. Он сидел в казенном кабинете и впи-

вался глазами в строчки на пожелтевших листах. Они врезались в память намертво, словно выжигая каждую букву:

«Два колото-резаных ранения в область предплечья и запястья, одно – в нижнюю часть грудной клетки, направление удара снизу-вверх, с повреждением сердца».

Сейчас, глядя на тело Кузьмина, Игорь видел ту же самую, до жути знакомую картину. Тот же почерк. Та же безжалостная эффективность. Почти идентичная схема. Словно работал холодный механизм, выполняющий одну и ту же программу. Сначала – лишить возможности защищаться. Потом – предельно-точный, смертельный удар в сердце.

Совпадение. Просто чудовищное совпадение. Не может быть... Но мысль, как заноза, впивалась в сознание. Шестнадцать лет... Как?

– Игорь, ты чего? Бледный... – тихо сказала Анна, подходя ближе.

– Всё в порядке, – коротко ответил он, не отрывая взгляда от тела. – Просто дежавю.

Ветров что-то уточнял у экспертов. Камера щёлкнула последний раз.

Ощущение давно забытого обволакивало.

Лаврин шагнул к окну. Во дворе ветер шевелил яркую пластиковую лошадку на пружине, раскачивал качели. То, что всколыхнулось в груди, не было забытой болью. Почти нестерпимый зуд предчувствия шевелился, вызывая прилив адреналина.

«Случайность», – мысленно повторял Игорь, не веря себе. Но перед глазами маячил призрак Двуреченска. Именно туда их вела нить расследования.

Он едва слышно прошептал:

– Просто случайность...

Но внутри уже знал – таких совпадений не бывает.

Они вышли на улицу. Холодный осенний воздух, пропитанный влагой и горьковатым запахом прелой листвы, стал глотком спасения. Игорь жадно вдыхал его, пытаясь вытеснить из легких прилипчивый запах смерти.

Из подъезда, нарушая тихую идиллию двора, вынесли носилки. Черный пластиковый мешок, скрывающий то, что еще недавно было человеком. Санитары двигались не торопясь, отточенными движениями загрузили свой мрачный багаж в микроавтобус. И над всем этим витал незримый и жестокий призрак прошлого, который вдруг напомнил о себе здесь, в этом безликом спальном районе.

Ветров приблизился к майору. Его фигура, ещё недавно подтянутая, сейчас казалась поникшей.

– Что дальше, Игорь Сергеевич? – тихо спросил он. В голосе не осталось и следа прежней корпоративной уверенности – только человеческая тревога.

«Дальше? – мысленно усмехнулся Лаврин. — Дальше меня ждет тень шестнадцатилетней давности. Тень, до которой я мечтал добраться все эти годы».

– Поквартирный опрос, – прозвучал его собственный голос, глухой и отдаленный, будто доносящийся из-за угла. – Может, кто что видел, слышал... Хотя в этих бетонных сотах люди редко видят и слышат что-то за стенами собственных квартир.

В этот момент настойчивый звонок мобильного разрезал воздух. Звягинцева, стоявшая чуть поодаль от них, вздрогнула. Взглянув на экран, мгновенно преобразилась: лицо стало собранным, почти напряженным.

– Ковальчук, – коротко бросила она, поднося трубку к уху. Лаврин видел, как ее спина выпрямилась, будто по невидимой команде. Слышал лишь ровные, выверенные фразы: – Да, товарищ полковник. Так точно. Мы на выезде. Убийство. Ножевое...

И тут ее взгляд метнулся к Игорю. В обычно спокойных глазах мелькнуло что-то нервное, почти испуганное.

– Игорь Сергеевич? Он здесь... Его телефон... – она попыталась объяснить, но неразборчивый голос в трубке звучал как отдаленные раскаты грома. Звягинцева молча выслушивала гневную тираду, и ее лицо постепенно застыло, становясь абсолютно бесстрастным. Затем, не говоря ни слова, она протянула телефон Лаврину.

– Тебя, – бросила низким, предостерегающим тоном. Лаврин взял трубку, ощущая нарастающую глухую досаду.

– Слушаю вас, товарищ полковник, – собственный голос

вдруг показался чужим и дребезжащим.

Ему не дали сказать больше. Слова, обрушившиеся из трубки, ударили с такой силой, что мир вокруг поплыл, потерял четкие очертания. Лаврин застыл, словно пораженный разрядом тока, вцепившись в телефон так, что костяшки пальцев побелели. Лицо превратилось в неподвижную маску, высеченную из гранита недоумения. Рука с трубкой безвольно опустилась вдоль тела.

Звягинцева, наблюдавшая за ним, поняла все без единого слова: по неестественной неподвижности его фигуры, по потухшему, устремлённому в одну точку взгляду. Случилось нечто большее и ужасное, чем служебная неприятность.

Медленно, с нечеловеческим усилием, Лаврин снова поднёс трубку к уху. Губы едва шевельнулись.

– Так точно... Понял... – каждое слово давалось с трудом. В голосе не было ни интонаций, ни жизни – только механическое повторение заученных фраз.

Отключив телефон, Игорь повернулся к Анне. Взгляд был пустым и невидящим.

– Орлов... – он сделал мучительную паузу. – Погиб.

Анна резко, инстинктивно прикрыла рот ладонью. Глаза расширились от шока. Орлов. Их друг, коллега, человек, с которым они вместе пили кофе буквально вчера. Эта новость не укладывалась в сознании.

– Ковальчук приказал ехать в Управление, – механически сообщил Лаврин.

Звягинцева очнулась первой. В ее глазах зажегся знакомый стальной блеск: шок сменялся решимостью и потребностью в действии.

– Поезжай. Я сама проведу обход.

Он лишь молча кивнул. Развернулся и тяжело зашагал к своей машине, двигаясь так, будто нес на плечах невидимый, неподъемный груз.

Анна смотрела ему вслед, пытаясь осознать случившееся с их другом.

Участковый, стоявший рядом, тронул её за локоть.

– Орлов – это кто?

Анна медленно подняла на него глаза, словно пытаясь вникнуть в незнакомые слова.

– Наш коллега. Капитан, – через силу выдавила она. И добавила, сглотнув подкативший к горлу ком: – Друг.

Участковый скорбно покачал головой.

– Я с вами на обход. Так будет быстрее.

Анна выдохнула и благодарно кивнула ему.

У подъезда, блеснув в полуденном свете, остановилась серая «Шкода». Из салона на асфальт неторопливо выбрались двое оперативников из Главка. Анна уставилась на них слегка затуманенным взглядом, мозг отказывался выдавать их имена и звания.

– Привет, – бросил один из парней. – Ковальчук прислал. Лаврин в квартире?

– Уехал, – Звягинцева медленно покачала головой. – Там

Орлов... — она запнулась, не решаясь выдать из себя страшное.

— В курсе, — мрачно перебил её один из оперативников. — Ставь задачу.

Сделав усилие, Анна собралась.

— Мы с участковым на обход. Вы ищите камеры. Записи. Эксперт примерно определил время смерти — позавчера, с девяти утра до двух дня.

Опера молча кивнули и, развернувшись, направились в сторону небольшого магазинчика в соседней пятиэтажке.

Игорь ехал быстро, словно тело помнило дорогу само, а сознание витало где-то отдельно — в холодной, звенящей пустоте. Мелькало серое полотно асфальта, блестящее от недавнего дождя влажные обочины, фигуры прохожих, спрятавших головы в воротники. Октябрьский Петербург тянулся перед ним — холодный, осунувшийся, будто выцветший от усталости. Мир утратил глубину, стал плоским, как старая фотография, и безжизненным, как его собственные мысли. Всё сузилось до равномерного гула мотора и навязчивой, пульсирующей мысли, от которой невозможно было спастись, как от ноющей боли.

Орлов погиб.

Фраза билась в виске, как заевшая пластинка, не требуя

ответа на вопрос «как». Он даже не пытался его задать. Слишком хорошо знал, что за такими словами всегда кроется одно и то же – алая лужа на асфальте, грязь, нелепая случайность, преступная халатность. Или – что гораздо страшнее – четкий, выверенный умысел.

Дима Орлов... Вспомнился его вечный скепсис, спокойные, чуть усталые глаза. «Главное, не делай из мертвецов философов, Игорь», – говорил он. Теперь никто так не скажет.

Красный свет светофора вспыхнул перед самым капотом. Лаврин ударил по тормозам – резко, с опозданием. Машины повело, шины взвизгнули по мокрому асфальту. Он судорожно выдохнул, впиваясь в руль.

«Соберись. Ты не имеешь права раскиснуть».

Когда он добрался до управления, на часах было без четверти шесть. Серый фасад, темные окна. Но внутри – жизнь, пусть и уставшая: яркий свет, гул голосов, запах кофе и бесконечного рабочего дня.

В коридоре он столкнулся с дежурным – тот лишь молча кивнул. Все уже знали.

Дверь в кабинет Ковальчука была приоткрыта. Игорь постучал.

– Заходи, – раздалось изнутри.

Полковник сидел за столом над раскрытой папкой. Лицо его выглядело осунувшимся, под глазами – густые, синеватые тени. Когда он поднял взгляд, Игорь прочитал в нем все: и гнев, и измождение, и то самое начальственное бессилие,

которое тщательно скрывают за строгостью.

– Что там? – спросил полковник.

– На адресе? – уточнил Лаврин и тут же продолжил: – Убили сисадмина из банка...

– Понятно, – отмахнулся Ковальчук, поднялся и прошелся по кабинету. Его плечи были напряжены. – Орлова убили в два часа. На заправке, на въезде в Дзуреченск. Удар ножом. Один. Точно в сердце. Семёнов доложил по телефону.

Лаврин опустил глаза. Кипящая злость мешала говорить.

– Подробности есть? – глухо спросил он.

– Набери его сам. Похоже, они с Орловым что-то нарыли.

– Они? Но Семёнов-то жив? Почему не подстраховал?

– Не знаю. Как я понял, Орлов был один. Как и почему – спроси у Семёнова. Я дал ему команду оставаться на месте. Сейчас согласовываем создание оперативной группы. Поедете в Ростов послезавтра. На месте разберётесь и займётесь расследованием. Готовь предложения и план.

Ковальчук замолчал, изучая лицо Лаврина.

– Что вообще думаешь? – спросил он после паузы.

Игорь медленно поднял глаза, в них не было ни сомнений, ни страха – только холодная уверенность.

– Думаю – это не случайность.

Молчание повисло в кабинете, густое и тяжелое. Из коридора донесся звук упавшей папки, чьи-то торопливые шаги. Время словно замерло.

– Надо поднять похожие дела, – едва слышно сказал

Лаврин. – Все, что были по Ростову и Двуреченску. Всё с аналогичным почерком.

Ковальчук долго смотрел на него, а потом коротко кивнул.

– Позвони генералу. Без его санкции нашу бюрократическую машину не стронешь.

– Хорошо. Наберу.

Лаврин направился в свой кабинет. Там, не снимая куртку, плюхнулся в кресло и с силой провел ладонями по лицу, словно пытаясь стереть с него усталость и боль. Двуреченск. Раньше это было просто слово, призрак из прошлого. Теперь он становился камнем преткновения, жестокой определенностью. Нож, который поработал в Петербурге, был явно оттуда.

Игорь глубоко вдохнул – воздух обжег легкие, как спирт. Он достал телефон и поднес его к уху. Палец уже тянулся к кнопке вызова, но мысль работала быстрее: «Сначала план. Потом звонок. Иначе не убедить».

В доме уже стихло. Следственный фургон уехал, ленты сняли, только запах чужих тел и табачного перегара висел в подъезде – смесь, от которой слегка мутило.

Звягинцева с участковым поднялись на пятый этаж и методично спускались вниз будто отстукивали ритм. Соседи выглядывали из-за дверей, одни любопытно, другие – с ту-

пым страхом. Но к то-то должен был что-то видеть. Кто-то всегда что-то видит.

– Квартира 23, – сообщил участковый. – Там бабка одна, шумная. Всегда всё знает.

– Отлично, – коротко сказала Анна.

Бабка оказалась маленькой, сухой, в халате с коричневыми разводами и цепким взглядом.

– Слыхала? – переспросила она. – Как же – слыхала!

Говорила охотно, с удовольствием человека, которому наконец-то позволили стать центром внимания.

– Позавчера утром, часов в десять, поднимался мужик. Я как раз телевизор выключила, слышу – шаги. Мужские. Тяжёлые. И... – она нахмурилась, вспоминая, – На третьем остановился. Вроде, сказал – «открой». Тихо так сказал. А потом дверь хлопнула. Кузьминская дверь.

– Уверены? – уточнила Звягинцева.

– Ну я ж ещё не совсем. Я же дверь приоткрыла. Точно к нему мужик приходил.

– А когда ушёл, не видели?

– Видела. Недолго был. Я как услышала, что дверь опять хлопнула – в глазок глянула. Он как раз мимо шёл. Высокий. И... – бабка понизила голос, – весь в чёрном. Волос светлый, короткий, как у военных бывает. Роба кирпичом.

– Это как? – сдерживая нервную ухмылку поинтересовалась Анна.

– Бандитская. Здоровая.

– Оpoznать сможете?

– Чего?

– Ну, узнаете, если снова увидите?

– Не, дочка, не узнаю. Я же без очков была. Могу только сказать, что мордатый и здоровый.

– Молодой?

– Не-е. Я же говорю – седой он.

– Так светлый или седой, – строго спросил участковый.

– Седой. Я точно помню.

Анна кивнула. Записала.

Седой, короткие волосы, высокий, здоровый. Маловато. Но хоть выяснилось: утром Кузьмин с кем-то встречался. Когда точнее определяют время смерти, будет понятно – убийца приходил или нет.

Когда закончили обход, было уже девять. Они вышли на улицу, участковый достал сигарету, прикурил.

– Как парень погиб? – спросил, выпуская дым.

– Не знаю, – покачала головой Анна. – Он в командировке был.

Орлов... чёрт, да ведь они только позавчера смеялись над его шутками. А сегодня его не стало.

Она вдруг вспомнила Лаврина – то, как он застыл, услышав новость, и его взгляд, пустой, страшный, будто увидел призрака. Нужно позвонить. Она достала телефон, и в этот момент пискнуло сообщение от Игоря: «Как дела?»

Анна набрала ответ: «Только закончили».

Снова сообщение: «Хорошо. Езжай домой. Всё обсудим завтра».

Вернув телефон в карман, она попрощалась с капитаном и направилась к «Форду».

Глава 4

Город будто не хотел просыпаться: утро было серым, выцветшим. Двор перед управлением залит холодным дождём – мутные струи катились по стёклам на капот машины. Анна застыла за рулём, не спеша выходить. Куртка рядом на сиденье, кофе из автомата – горячий, терпкий. В голове лёгкий гул – от почти бессонной ночи, от тяжёлых мыслей.

Она застала Лаврина в кабинете. Он стоял у окна, опершись ладонями о подоконник – неподвижный, как каменное изваяние, словно мысли его витали в собственном измерении, недоступном для остальных. На диване – небрежно брошенный плед, рядом на столе – зубная щётка и смятый тюбик пасты. На спинке стула – полотенце, волосы ещё влажные.

Он что, не уходил? Провёл ночь в кабинете. Возможно, и не спал вовсе.

– Игорь... – позвала она тихо.

Он повернулся. Взгляд усталый, затуманенный. И что-то в этом взгляде кольнуло её изнутри – странное, цепляющее.

– Как ты?

– Нормально, – прозвучал ответ, сухой – как отрезал.

– Правда? – переспросила она, не отводя глаз.

Он усмехнулся – коротко, безрадостно.

– Правда. Всё под контролем.

Она подошла ближе, протянула бумажный стакан:

– Кофе. Без сахара.

Он взял. Благодарно кивнул.

Стало слышно, как в соседнем кабинете кто-то хохочет – нелепо, не к месту. Мир жил своей жизнью, чужой, равнодушной. Люди смеялись, ели, дышали.

Анна смотрела на руки Игоря – крупные, крепкие, но сейчас нервные. Внешне он выглядел как всегда, но внутри что-то явно грызло его. И захотелось просто прикоснуться – не утешить, не пожалеть, а просто ощутить живое тепло.

Но нельзя. Нельзя, Анна Викторовна. Он – твой начальник. Ты – подчинённая. И вообще, у него, кажется, есть женщина... хозяйка ресторанчика, где он иногда ужинает по вечерам. Анна видела их в прошлую пятницу на выезде со стоянки «Эмилии». Он уже заводил двигатель, а она – та самая хозяйка – стояла, опершись о приоткрытую дверь, и что-то ему рассказывала, живо жестикулируя. Потом легко, с грацией кошки, вспрыгнула на подножку и, нагнувшись, чмокнула его в щёку, прежде чем захлопнуть дверь. В этом движении была такая непринуждённая свобода и безраздельное право на него, что у Анны похолодело внутри.

Да не только в этом дело. Они с Игорем – коллеги.

Анна отвела взгляд, сделала вид, что поправляет манжету.

Лаврин протяжно выдохнул, опустив голову.

– Это не должно было случиться, – голос был сиплый, как после дыма или слёз. – Он шутил про отпуск... я сказал: после завершения дела возьмёшь пару недель.

Игорь замолчал – поднял глаза. И в этот миг между ними повисло что-то непередаваемо-личное – незримая нить, в которой ощущалось дыхание, шаг, рука, взгляд. Всё то, что они оба знали, но не могли позволить. Всё, что могло быть между ними, если бы не её испуг в Выборге, когда он, командировочный, попытался ухаживать. Она испугалась не его – себя. Побоялась стать очередной «командировочной романтикой», а он понял её отказ как неприязнь. И теперь оба молча жалели об упущенном моменте, не зная, как к нему вернуться.

Она почти коснулась его плеча – поднесла кончики пальцев, на долю секунды. Он не отстранился. Только вздохнул, будто этот жест был одновременно спасением и наказанием.

Если бы всё было иначе...

Снаружи по стеклу снова поползли капли дождя, собираясь в ручейки, будто слёзы по щекам. Он отвёл взгляд – отстранился, спрятался за невидимой шторой.

– Что по опросу? Камеры нашлись?

– Да. Нашлись, – кивнула Анна. – Ребята вечером мне запись скинули.

Она сначала подробно пересказала показания свидетельницы про визит «седого», затем включила запись с камеры

магазина. Игорь внимательно просмотрел фрагмент, где человек в чёрной куртке вышел из подъезда, и невольно поморщился. Наброшенный капюшон полностью скрывал лицо. Высокий, крепкий, с уверенной походкой. Всё. Он не сел в машину. Прошёл вдоль дома и свернул за угол. Увиденное ничего не давало в плане помощи розыску.

В этот момент дверь приоткрылась, и кто-то громко позвал:

– Лаврин, Звягинцева – к Ковальчуку! Срочно!

Игорь кивнул, коротко взглянул на неё – будто хотел что-то сказать, но передумал, лишь коротко бросил:

– Пойдём.

Она шагнула следом. И пока они шли по коридору – рядом, но не касаясь – Анна поймала себя на мысли, что её сейчас тревожит не предстоящий разговор с Ковальчуком, не расследование, а вот это мгновение между ними, когда хочется сказать всё – но можно только молчать.

Кабинет Ковальчука встретил их глухим полумраком. Плотные зашторенные жалюзи резали жалкий утренний свет на узкие полосы, ложившиеся на лица присутствующих рваными блеклыми масками. Пространство казалось изолированным, полностью отрезанным от шумящей за окнами улицы.

Полковник стоял у стола, опершись на ладони, и, когда они вошли, даже не поднял головы.

– План мероприятий готов? – спросил он ровно, но в го-

лосе слышался надлом.

– Практически, – сдержанно ответил Лаврин.

– Что значит – практически?..

Анна почувствовала, как воздух будто стал плотнее.

Полковник медленно выпрямился, посмотрел на Лаврина.

– В два часа совещание.

Игорь не моргнул, не дернулся, только криво усмехнулся:

– К совещанию будет готов. Я хочу приехать в Двуреченск инкогнито.

Полковник вышел из-за стола, подошёл ближе, посмотрел в упор:

– Ты что задумал, Игорь? Без официального статуса – ты просто мишень. Сунешься – и тебя ждёт судьба Орлова. Они действующего сотрудника не побоялись убрать! А ты – инкогнито... Да мы тебя просто не найдём. Не вздумай никуда соваться.

– Ну, вопрос спорный – кто кого не найдёт, – небрежно отмахнулся Лаврин. – Я родился в этом городе. Знаю все ходы и выходы. По детству всё излазил с пацанами. Наверняка и люди меня помнят. Без статуса и удостоверения охотнее на контакт пойдут. А с полицией говорить побоятся.

– Я запрещаю! – рыкнул полковник. – Мне одной смерти хватит. Понял?!

Но Анна видела – не понял. Или не хотел. Что-то в Игоре двигалось, как подспудная волна.

– Понял, – криво усмехнулся Лаврин. – Но я всё же попы-

таюсь согласовать с генералом.

– Ну-ну, – язвительно прошипел Ковальчук. – Всё, идите.
В два совещание.

Они вышли в коридор.

Дверь за ними мягко закрылась, и в ту же секунду напряжение будто спало – не ушло, но растворилось в воздухе, в стенах коридора, в тишине.

Анна остановилась, дотронулась до его рукава:

– Игорь...

Он резко остановился, обернулся.

Взгляд – словно выжженный изнутри, какой-то стеклянный.

– Всё нормально, – произнёс он.

– Ты не обязан.

– Обязан, – ответил он. – Иначе не получится.

Она хотела сказать ещё что-то – слова вертелись на языке, но смысла в них не было. Всё, что стоило сказать, нельзя было произнести. Всё, что чувствовалось между ними с тех самых Выборгских дней, когда они оба задушили собственные чувства, теперь висело невысказанным грузом. Поэтому она просто стояла. Молчала.

Если бы можно было сесть рядом, не говорить, не бояться, что кто-то увидит. Если бы можно было вернуть тот вечер в Выборге и ответить на его ухаживания – не отстраниться, не делать вид, что это ей неприятно. Объяснить, что она просто не хотела быть командировочным романом.

Игорь отвернулся, бросил на ходу:

– Мне нужно на воздух.

На улице пахло мокрым асфальтом и выхлопами. Дождь стал тише, почти перешёл в морось.

Лаврин стоял под навесом, глядя куда-то вдаль, где в сером мареве растворялись машины. Плечи напряжены, будто он держал на них целый город.

Анна смотрела из окна, не решаясь спуститься вниз и подойти. Она видела его спину – ту самую, к которой так хотела, но не позволила себе прикоснуться тогда, в Выборге. Он не двигался, но казалось – если сделать к нему шаг, если просто назвать по имени, всё хрупкое равновесие рухнет.

Им обоим сейчас плохо. И всё, что можно – это быть рядом, не касаясь. Иногда это единственная форма близости, которую позволяет жизнь. Особенно, если когда-то ты уже отказался, а теперь не знаешь, как всё вернуть.

Игорь вглядывался в промозглую, затянутую дождевой дымкой улицу, нервно сжимая в ладони холодный корпус телефона. План, выстраданный за бессонную ночь, требовал немедленного действия, но он решил не звонить дяде с утра, ограничившись лаконичным СМС. Ждать быстрого ответа не приходилось – утреннее совещание у министра имело обыкновение длиться дольше положенного. Но для Игоря каждая минута ожидания растягивалась в мучительную вечность.

Едва он переступил порог своего кабинета, мобильный

взорвался знакомой сердитой трелью.

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор! – выпалил Игорь, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

– Привет. Что-то стряслось? – голос Алексея Николаевича был сух и насторожен. Племянник не имел привычки беспокоить в рабочее время по пустякам.

– Срочное дело, Алексей Николаевич. ЧП у нас. Сотрудник погиб.

– В курсе. Прошло по сводкам. Ты каким боком? Погоди... Неужели твой? Напарник?

– Друг.

– Твой просчёт? – в интонации генерала явственно прозвучала тревога, перемешанная с недовольством.

– Нет. Он был в командировке. В Двуреченске. По делу об ограблении инкассаторов.

Трубка на другом конце провода молчала так долго, что Игорь даже взглянул на экран, проверяя, не разорвалось ли соединение.

– Двуреченск? Я не ослышался? – генерал явно встревожился.

– Нет. Грабители, похоже, оттуда.

– Ты уверен? Из этой богом забытой дыры?

– Не до конца. Но мой друг погиб именно там. Шел по следу угнанного фургона.

– Понятно. И что ты хочешь от меня?

– Сегодня подпишут приказ о создании межведомствен-

ной группы.

– Хочешь войти в состав?

– Наоборот. Я хочу отправиться туда инкогнито. Просто приехать на родину. Боюсь, официальное расследование опять упрётся в глухую стену.

– Что значит «опять»? О чём ты, сынок? – генерал начал закипать, и Лаврин кожей это почувствовал.

– Дядь Лёш, не злись. Тут всплыло одно совпадение с делом моих родителей. Почерк убийцы... он идентичен.

Генерал снова ушел в молчание, такое долгое, что Игорь мысленно представил, как тот, нахмурившись, обдумывает услышанное. Наконец, прозвучало с сомнением:

– С чего ты это взял? В сводках ясно сказано – твоего парня убили одним ударом в спину.

– Убийство Орлова ни при чём. Грабители в Петербурге зарезали своего наводчика. Вот откуда выводы. Почерк идеально совпадает. Дай команду Ковальчуку, чтобы мне не мешал, в группу не включал. А я своего аналитика туда предложу. Девчонка умная. Схватывает на лету.

Пауза вновь затянулась надолго. Игорь представил себе лицо дяди – собранное, жёсткое, с тяжелым, пронизывающим взглядом, который, казалось, видел тебя насквозь.

– Объясни. Конкретно. Без фокусов.

– Меня там помнят. Как мальчика, у которого убили родителей. Если я приеду как майор Лаврин – все двери передо мной захлопнутся. А если просто как сын погибших,

который спустя шестнадцать лет приехал на могилы... Ко мне потянутся. Будут жалеть, сплетничать, вспоминать. И в этом потоке что-то обязательно должно всплыть. Я буду своей собственной болью щупать их дно.

– Это самоубийство, – холодно отрезал генерал. – Ты идеальная мишень. Сам лезешь в пасть. Они тебя сожрут, даже не поперхнувшись.

– Они уже начали. Орлов – это первое предупреждение. Значит, мы на правильном пути.

В трубке снова повисло тяжелое молчание, взвешивающее каждый аргумент, каждый возможный риск.

– Ты хочешь использовать себя как приманку?

– Я хочу говорить с ними на языке личных счетов, а не на казенном языке протоколов.

– Слушай меня внимательно, – наконец произнес генерал, его голос стал тише, но обрел стальную твёрдость. – Поступим так. Без официального статуса я тебе ехать запрещаю. Оформляй командировку. Цель придумай сам. Я решу вопрос с твоим руководством. Ну а на месте – это уже твоя игра. Ты – простой гражданин, приехавший на могилы родителей.

Генерал тяжело вздохнул. Игорь услышал, как скрипнуло кресло, как он прошелся по кабинету.

– Только не зарывайся. Понял?

– Понял.

– Раз уж решил... Ладно. Деньги... Возьми карточку из

сейфа. Ключ – знаешь где. Тольконими всё наличными. Чтобы без следов.

– Зачем? Мне хватит своих. Я же не Багамы собрался.

– Не спорь. Делай, как говорю. Деньги многое могут решить.

– Спасибо, дядь Лёш.

– Не за что. Если там и правда... – он не договорил, но Игорь понял. Понял, что для генерала это дело – тоже незаживающая рана. – В общем, действуй. Хлестаков ты наш...

Связь прервалась. Игорь опустил телефон. Разрешение было получено. Он повернулся к окну. Морось за стеклом казалась ему теперь не дождём, а пеплом прошлого, в которое ему предстояло окунуться, чтобы наконец-то найти ответы. Он ехал домой. На свою собственную войну. На встречу с призраком, который не отпускал его шестнадцать лет.

Просторный кабинет начальника ГУОП МВД России находился на пятом этаже здания на Житной улице. Должность давала Лаврину-старшему право единолично принимать решения о командировании оперативных групп в любой регион.

Генерал тяжёлым взглядом сканировал оперативников, сидящих напротив. Это были лучшие кадры – подполковник Удальцов и майор Калашников.

– В Двуреченске, под Ростовом, убит капитан из группы Игоря. Он направляется туда для расследования. Не в составе группы, а инкогнито.

Удальцов с недоумением вздёрнул брови. Генерал заметил и поморщился.

– Так нужно. Он якобы на могилы родителей приехал. Походит, пообщается с народом как гражданский. Я в местный угрозыск не верю. Или дураки, или продажные. Туда отправляется межведомственная группа. Вы войдёте в её состав. Контакты с Игорем – через его аналитика.

Генерал придвинул к себе листок и внятно зачитал:

– Звягинцева Анна Викторовна. Капитан. Игорь сказал – толковая. Всё понятно? Вопросы есть?

– Есть, – подполковник поёрзал в кресле. – Что капитан из Питера делал в Двуреченске?

– Ограбление инкассаторов расследовал. С материалами дела ознакомьтесь на месте. Ваша задача, кроме расследования, – прикрывать моего племянника. И не потому, что он мой родственник! Прежде всего – он наш коллега на задании.

Удальцов расплылся в понимающей улыбке. Он много лет служил вместе с генералом и был с ним, что называется, на короткой ноге.

Оба оперативника не являлись прямыми подчинёнными генерала – формально Удальцов числился в Главном управлении уголовного розыска, Калашников – в управлении по

борьбе с организованной преступностью. Но оба начинали службу под началом Алексея Николаевича ещё в Питере, прошли с ним Чечню и переезд в Москву. Такие связи не рвут приказами – они держатся на крови и доверии. Когда генерал звонил, они не спрашивали: «почему», они спрашивали: «когда вылетать».

– Всё будет хорошо, Алексей Николаевич. И расследуем, и безопасность обеспечим.

– Идите, – бросил генерал и откинулся в кресле.

Кабинет замначальника ГУ МВД по Питеру и Ленобласти — начальника полиции — застыл в гнетущем безмолвии. Хозяин кабинета молчал, и эта пауза резала нервы, превращая просторную комнату в душный следственный бокс. Генерал в отутюженном мундире застыл за массивным столом, словно монумент собственной значимости. Перед ним в почтительном молчании замер состав оперативно-следственной группы, разместившийся на стульях вдоль длинного приставного стола.

Слева от генерала – подполковник Иванов из Следственного комитета, сухой и педантичный, с холодными глазами человека, привыкшего раскладывать чужие смерти по полочкам. Рядом капитан Анна Звягинцева, аналитик группы Лаврина – единственная женщина в этом кабинете, что

не мешало ей держаться более собранно, чем большинство мужчин.

Чуть поодаль, у торца стола, сидел майор Егоров. Он не переглядывался с остальными и держался с той особой настороженностью, какая бывает у сотрудников собственной безопасности: равнодушное лицо, внимательный взгляд, руки спокойно лежат на столе. Присутствие ГУСБ в любой оперативной группе означало одно – кого-то уже проверяют или скоро начнут.

Генерал обвёл всех тяжёлым взглядом:

– Создаётся межведомственная группа по расследованию убийства капитана Орлова и нападениям на инкассаторов. Приказ подписан, – его пальцы коротко и отрывисто стукнули по черной кожаной папке.

Тяжелый взгляд генерала медленно скользнул по лицам присутствующих, задерживаясь на каждом чуть дольше, чем требовала формальность. Затем остановился на следователе в безупречно сидящем строгом костюме.

– Руководитель – подполковник юстиции Иванов Александр Юрьевич из Следственного комитета. Все процессуальные решения – через него.

Фраза повисла в воздухе, словно отсекая любые возражения. Взгляд генерала переместился на худощавого офицера с бесстрастным лицом.

– Для работы по внутренней линии к группе прикомандирован майор Егоров из Службы собственной безопасно-

сти. Его задача – проверить все обстоятельства, связанные с гибелью сотрудника. Непосредственное оперативное сопровождение будут осуществлять два сотрудника из центрального аппарата. Они уже вылетают в Ростов. На месте к работе подключатся оперативники местного УГРО.

Холодный оценивающий взгляд генерала нашёл Анну.

– Капитан Звягинцева войдёт в группу как аналитик. Документы, связи, телефоны, финансовые следы – всё, что может вывести на заказчиков. Вам ясно?

– Так точно, товарищ генерал, – чётко ответила Анна.

– Вопросы?

Вопросов не было. В таких кабинетах они рождались редко и умирали ещё не сформулированными.

– Самолёт в Ростов завтра в 08:00, – резюмировал генерал, взглядом отпуская всех. – Капитан Звягинцева, задержитесь.

Дверь закрылась с мягким щелчком, поглотив последние шаги. Генерал откинулся в кресле, сложил руки на животе. Поза была обманчиво расслабленной.

– Я знаю про Двуреченск. И про то, как Лаврин туда собирается, и почему.

Анна молчала, выпрямившись по стойке «смирно». Лицо было непроницаемым, но внутри всё сжалось.

– Мне звонил Алексей Иванович, – это имя сразу расставило все точки над «i». – Попросил не мешать. Сказал, что майор Лаврин там и по личным мотивам. Мне это не очень нравится, но я согласился. Только с условием...

Он посмотрел на неё в упор, и его взгляд, казалось, проникал насквозь.

– Вы будете держать меня в курсе. Не всё подряд, конечно, но – по существу. Особенно, если что-то начнёт выходить за рамки. Или если он там начнёт зарываться. Это приказ, капитан.

Анна понимала, что генерал не просто хочет быть осведомлённым. Он несёт ответственность за действия Лаврина, и ему нужны гарантии. А еще он, очевидно, опасается, что Игорь может наломать дров.

– Поняла, товарищ генерал.

– И по Егорову, – генерал чуть прищурился. – У него своя работа. Пока группа работает по убийству Орлова, Егоров проверяет все обстоятельства, связанные с гибелью сотрудника. И только. В дела Лаврина это не вписывается. Так что для всех он в отпуске. Посвящать Егорова в детали не нужно. Всё, свободна.

Анна кивнула и вышла из кабинета. Задание было дано. Неофициальное, но чёткое. И теперь она была не только аналитиком в группе Иванова, но и связующим звеном в игре, которую затеял Лаврин. Ей предстояло балансировать между двумя огнями.

Сразу после совещания она вернулась в отдел. Стрелка часов едва перевалила за три, но для нее время будто сбилось с ритма. В коридорах стоял привычный гул: звонки, шаги, короткие переговоры, – просто симфония рабочего дня. Всё

выглядело как обычно, но внутри ощущалось нарастающее, липкое беспокойство.

Лаврин приехал через полчаса. Спокойный, почти безмятежный, собранный. Сменил одежду, и в этом простом действии читалось желание сбросить кожу старого дня, начать всё заново, с чистого листа.

– Когда летите? – спросил он безмятежно, словно его мысли уже были где-то далеко.

– Завтра в восемь, – ответила она.

– У нас на сегодня ещё одно дело, – в голосе Игоря проскользнуло едва уловимое нетерпение. – Но, если тебе нужно готовиться к поездке, я сам справлюсь.

Анна вспыхнула, и ответила твердо:

– Я успею.

– Хорошо. Я созвонился с женой Кузьмина. Она с сыном сейчас у матери, под Выборгом. Хочу съездить, поговорить.

– Она знает... о смерти мужа? – осторожно спросила Анна.

– Да. Ей Ветров сообщил. Поедешь?

Дом стоял на окраине посёлка – старый, обшарпанный, словно покинутый всеми, кроме времени. Облупившаяся веранда, выцветшие занавески, за которыми пряталась чужая боль. В окнах тусклый свет. На крыльце резиновые сапоги,

детский мяч, забытый у порога – словно немые свидетели оборванной жизни.

Жена Кузьмина – молодая, бледная, как воск, с опухшими от слёз глазами, в которых застыла бесконечная скорбь. Чёрный свитер, повязанный наспех тёмный платок. Она явно держалась из последних сил, голос дрожал, срывался. В доме пахло крепким чаем и чем-то тяжёлым, аптечным – запахом беды.

– Они... угрожали ему, – рассказывала женщина, сбиваясь, словно каждое слово давалось с кровью. – Сказали, если не сделает, как велят, – сына не увидим. Даню они забрали прямо из школы. Олег отправил меня к маме. Сказал ждать. Запретил ему звонить. Боялся прослушки банковской безопасности. Сына вернули в тот проклятый день... после обеда. А я... я просто написала Олегу: «Всё в порядке». Чтобы он успокоился. А его... его уже не было...

Она умолкла, беззвучно плача, и это было страшнее любого крика.

– Олег... Что могло случиться? – женщина судорожно глотнула воздух, словно задыхаясь от невосполнимости правды. – Может, он поссорился с ними... И они его убили. Просто убили. За что?.. Я не понимаю... за что?

– Вы их видели? – Игорь в упор смотрел на женщину.

– Нет. Только голос по телефону. Акцент у него... такой странный.

Лаврин хищно прищурился, чуть подался вперёд.

– Какой он был? Акцент... опишите. Восточный?

– Нет. Не восточный. Точно, – женщина нахмурилась, пытаясь выудить из памяти ускользающие детали. – Может, прибалт. Или ещё откуда... не уверена.

Игорь кивнул коротко, и его лицо застыло, стало непроницаемым.

– Понятно. Где сын?

Мальчик сидел на диване в гостиной. Планшет на коленях, взгляд настороженный, тонкие пальцы побелели, вцепившись в гаджет, как в спасательный круг. Он опустил голову, будто боялся, что реальность развалится, если посмотреть на неё прямо.

– Я не видел лиц, – сказал он тихо, почти шёпотом, поднимая взгляд. – Они в масках были. Один высокий, другой седой. Я запомнил.

– Почему ты думаешь, что он седой? – мягко спросила Анна.

– Волосы... Когда один из них выходил, он начал снимать маску, а я увидел. Белые волосы у него сзади. И другой так его звал. Сказал: «Седого позови».

Он вновь опустил голову, и в этом жесте была вся обречённость мира.

– Я боялся. Очень.

– Всё правильно, – тихо сказал Лаврин. В ровном, всегда сдержанном голосе вдруг послышалась искренняя, почти отеческая нотка. – Ты всё сделал правильно.

Мальчик кивнул. Его пальцы ещё сильнее сжали гаджет – ту самую нить, что связывала его с уцелевшим миром.

Игорь молчал всю дорогу, не отрывая глаз от мокрого шоссе. Казалось, он читал в бледных отсветах фар тайные знаки. Дворники мерно шуршали по стеклу, отмеряя секунды и метры, уносявшие их дальше.

Лишь один раз он бросил, глухо, со странным удовлетворением:

– Значит, Седой... всё-таки. Хорошая примета.

Он не уточнил, но Анна поняла без слов: Лаврин, будто гончая, почуял след. И теперь он не свернёт, пока не настигнет добычу. Эта мысль висела в салоне, острая и неотвратимая, как шум ветра за стеклом.

Глава 5

Утренний аэропорт гудел, как гигантский улей. Голоса, шаги, оглушительные объявления о рейсах – всё это пролетало мимо Анны, не задевая. Она словно стояла за невидимым стеклом, наблюдая за сценой чужой пьесы.

Их группа стояла терминала, в стороне от основного потока. Подполковник Иванов и майор Егоров тихо переговаривались. Их диалог был ровным и деловым – о билетах, багаже, о первом совещании на месте. Но за этой внешней формальностью Анна чувствовала скрытую напряжённость двух

хищников, пока что соблюдающих ритуал.

Себя же она ощущала актрисой, которой выдали чужую роль. План с Лавриным был четко согласован. Сейчас он уже в пути, его чёрный BMW растворился в утренней дымке. И всё-таки взгляд сам собой скользнул по парковке, выискивая знакомые очертания. Фантом.

Холодная ручка чемодана в ладони, чей-то толчок в спину – всё это усиливало ощущение нереальности происходящего...

Вату мыслей прорезал голос Иванова:

– Звягинцева, пошли!

Анна подняла чемодан и шагнула в шумный водоворот зала. В этот момент в кармане куртки коротко, как удар сердца, ожил телефон. От него: «Я в пути. Удачи».

Она не ответила.словно облачаясь в невидимые доспехи, Анна мобилизовалась и отбросила личные переживания. Выпрямив плечи, ощутила привычную готовность к действию, позволяющую полностью сосредоточиться, и пошла за группой. Где-то далеко впереди он уже двигался к цели. Они работали в унисон – разделённые километрами, но связанные общим замыслом.

Игорь выехал в четверть пятого утра, задолго до того, как ночь уступила место серому рассвету. Дворники бесшумно

смахивали с ветрового стекла липкую морось, а под колесами шуршал мокрый асфальт. Огни Петербурга быстро растаяли в зеркалах заднего вида, и впереди ждала длинная, пустынная, уходящая в серую хмарь трасса. Больше 1800 километров до Двуреченска. Игорь прикинул: если не застревать на заправках, к полуночи он будет на месте.

Он вёл машину сосредоточенно, без лишних движений. Салон BMW превратился в замкнутую капсулу, пропитанную ароматом горького кофе из термоса и дорогой кожи сидений. Ровный гул мотора надёжно глушил весь внешний мир.

Где-то далеко позади Анна сейчас проходила свой квест: регистрация, досмотр, посадка. Лаврин почти физически ощущал её привычную собранность, её спокойные, точные движения. Эта мысль согревала изнутри, как далекий, но надёжный маяк. Телефон на панели молчал, и это было лучшим сигналом – всё шло по плану.

День тянулся бесконечной монотонной лентой, перемалывая пейзажи за окном. Редкие заправки, безликие придорожные кафе с залитыми каплями дождя витринами и яркими неоновыми вывесками. Он пил кофе, почти не чувствуя вкуса, удерживая взгляд на мокром асфальте и стрелке спидометра. Лишь к вечеру небо на юге наконец прояснилось, и в приоткрытое окно повеяло сухой степной прохладой.

Впереди Двуреченск. В этом неприметном южном городке, его ждало то, что он оставил шестнадцать лет назад. Не

призрачная тень, а плоть и кровь, пришедшая за своим. Километры послушно уходили под колёса, и с каждым из них прошлое переставало быть просто памятью – оно материализовалось прямо по курсу.

Фары выхватили из темноты дорожный указатель «Ростов-на-Дону». Не въезжая в черту города, Лаврин свернул на объездную. Ксеноновый свет скользил по знакам, металлическим отбойникам и силуэтам сонных бензоколонок. Ростов остался в стороне – за чёрной лентой реки, за цепочками тусклых огней, где пульсировала другая, чужая жизнь. Здесь же всё стихло: трасса уходила в ночь пустой, утомлённой веной, ведущей на юг.

Машина шла уверенно, но усталость уже намертво впилась в плечи и туго скрутила мышцы спины. Однообразный пейзаж сливался в бесконечный туннель, тело требовало передышки – возможности наконец разогнуться и погрузиться в тишину, свободную от монотонного гула шин.

Когда до конечной цели оставалось чуть больше сотни километров, в темноте вспыхнула неоновая вывеска: «MOTEL-24». За ней показалась освещённая площадка, пара припаркованных большегрузов и стеклянная коробка кафе с банальной вывеской «Домашняя кухня». Всё выглядело максимально обыденно, и именно эта серая нормальность сейчас была к месту.

Игорь замедлил ход, съехал на гравий парковки и заглушил двигатель. Салон мгновенно накрыла тишина – вязкая,

плотная, почти осязаемая.

Лаврин вышел из машины и глубоко вдохнул прохладный воздух, пропитанный запахами мокрого асфальта и солянки от стоявшей неподалёку фуры. В Двуреченске всего одна официальная гостиница, и остановиться там означало мгновенно оказаться на виду, засветить документы и привлечь к себе ненужное внимание с первых же минут. А система не должна была зафиксировать его прибытие. Требовалось действовать скрытно.

План был прост: короткий привал прямо здесь. Горячий ужин, душ и четыре часа глухого сна. А уже завтра, на месте, он растворится в частном секторе Двуреченска и наметит первые шаги.

Внутри пахло жареным луком и дешёвым освежителем воздуха. За стойкой решала кроссворд женщина лет пятидесяти. Её усталое лицо с тёмными провалами глаз тонуло в воротнике бесформенного свитера.

– Номер на одну ночь есть? – спросил Игорь тихо.

– Есть, – отозвалась она, даже не поднимая взгляда от журнала. – Второй этаж, шестой. Оплата сразу. Завтрак с семи до десяти.

Он молча выложил купюры, забрал ключ с поцарапанным пластиковым брелоком и поднялся по лестнице. Наверху свет моргал холодным больничным неоном и каждый шаг гулко отдавался в пустом коридоре.

Номер оказался спартанским: узкая кровать, тумбочка и

настоящая лампа с выцветшим абажуром. Вся обстановка выглядела изношенной и покинутой. Игорь бросил сумку у стены, прошёл к окну. За стеклом угадывался силуэт трассы, прорезаемый блеклыми фарами редких фур. Навалившееся изнеможение окончательно согнуло колени. Мысль о горячем ужине, который он планировал в пути, внезапно вызвала глухое отторжение – голод отступил перед дикой усталостью. Сделав пару глотков минералки прямо из горлышка, он направился в душ.

Горячая вода смыла дорожную пыль, стянутые мышцы наконец расслабились. Игорь сел на край кровати, включил телефон и проверил сообщения. Ничего нового – только старые отчёты, прочитанные ещё в пути. Питерская группа добралась до Ростова и приступила к отработке связей.

Он погасил свет. Но глаза в темноте долго не закрывались. Мозг продолжал крутить заевшие шестерёнки: перебирал факты, тасовал призрачные версии, искал пропущенные детали. Мысли метались, словно ночные мотыльки вокруг раскалённой лампы, пока сознание наконец не сдалось, медленно утонув в сонной пустоте.

На выходе из Ростовского аэропорта их ждал резкий, пронизывающий ветер, так и норотивший забраться под воротник. В стороне от основного потока людей, стояли двое, цеп-

кими взглядами сканирую прибывших. Табличка «Иванов А. Ю.» в руке одного из них выглядела не столько указателем, сколько формальностью, маленькой деталью в картине ожидания.

Высокий крепкий мужчина с короткой стрижкой и нахмуренным лбом стоял у открытой двери чёрного внедорожника, ладонь лежала на стойке, будто он собирался тут же захлопнуть её и тронуться с места. Второй, приземистый, с рыжеватой бородкой, держался чуть поодаль, но его внимание было таким же плотным.

– Добрый день, – шагнул навстречу высокий. Ветер выхватывал слова, делая их приглушёнными, почти невнятными. – Капитан Сергей Сковорцов. А это мой коллега – капитан Дмитрий Рудин.

Анна коротко кивнула, а следом за ней – Егоров и Иванов. От неё не укрылась мимолётная искра мужского интереса во взглядах Сковорцова и Рудина, но они тут же погасили её, накрыв маской служебной вежливости.

– Сейчас едем в отель? – слова Сковорцова звучали не как вопрос, а как утверждение. – Потом обед. Стол заказан.

Егоров довольно осклабился, Иванов лишь молча кивнул. Анна покачала головой. Её голос прозвучал ровно, но безапелляционно.

– Отель – да. Обед подождёт. Где сейчас находится тело Орлова?

Сковорцов нахмурился, уголки губ опустились. Процедил

недовольно:

– Межрайонный морг в Каменске. Ближайшая судмедэкспертиза. Оборудование лучше, чем в Двуреченске. Эксперт из Ростова сегодня выехал.

– Кто ведёт дело? – уточнила она.

– Районный следственный отдел. Но управление области взяло под контроль. Сегодня, как понимаю, передадут вам.

– Тогда в отель. Потом – в Каменск.

Скворцов хмыкнул – короткий, глухой звук, в котором слышалось недовольство. Не сказав ни слова, он молча резко кивнул и шире откинул дверь внедорожника.

Егоров и Иванов забросили сумки в багажник и устроились в салоне. Анна на мгновение задержалась, взвешивая что-то про себя. Иванов нетерпеливо высунулся из машины:

– Анна Викторовна, вам особое приглашение?

Она перевела взгляд на Скворцова.

– Ваш коллега может сопроводить меня в морг.

Первой реакцией капитана были вытаращенные на неё глаза.

– А ничего, что морг в Каменске? – язвительно скривился он. – Сто тридцать километров!

– И что? – Анна не собиралась отступить.

– Да ничего, – Скворцов как-то сдулся и утвердительно кивнул.

Анна, убедившись в его согласии, добавила:

– Тогда, если можно, я поеду с ним.

Скворцов недовольно хмыкнул, бросив быстрый оценивающий взгляд на Рудина. Тот в ответ лишь коротко пожал плечами, уже двигаясь к служебной машине.

Дорога до отеля пролетела в тягучем, напряжённом молчании, которое заполнял только рокот двигателя и вой ветра за стеклом. Разместившись в номере, Анна не стала тратить время. Она бегло проверила ключевые документы, переданные ещё в Питере, сменила строгий костюм на тёмную практичную одежду без лишних деталей, и спустилась в холл.

Егоров и Иванов уже ждали. Они небрежно развалились в креслах холла, на лицах читалось нетерпение и плохо скрываемое недовольство. Анна вопросительно посмотрела на них.

Ответил стоявший у входа Скворцов, и в его голосе отчётливо звенела стальная струнка раздражения:

- Раз обед отменяется – генерал назначил совещание.
- Хорошо, – коротко бросила Анна. – После – сразу в морг.

Для совещания выделили кабинет № 412 – длинное, узкое помещение на четвёртом этаже нового корпуса. Судя по стопкам методичек в стеклянных шкафах и служебным плакатам на стенах, это был класс подготовки. В центре комнаты возвышался длинный капитальный Т-образный стол. В углу

стоял большой напольный сейф, выкрашенный в серый цвет; на пристенных сдвоенных столах аккуратными стопками лежали чистые бланки и папки с гербовой печатью. Окно, выходящее во внутренний двор, было наглухо закрыто вертикальными жалюзи, сквозь щели которых полосками пробивался пыльный ростовский свет.

«Московский десант» был уже на месте – двое приезжих расположились в центре, прямо под работающим внутренним блоком сплит-системы. Генерал Захарченко сидел не во главе стола, а чуть сбоку, подчёркивая, что сегодня он, скорее, принимающая сторона.

Первым в комнату вошёл подполковник Иванов. Он коротко кивнул генералу и москвичам, оценивающе задержав взгляд на часах одного из незнакомцев. Чуть боком протиснулся майор Егоров и, застыв на секунду, выбрал место подальше от центра. Анна вошла вслед за Скворцовым и Рудиным.

Гости представились скупой: подполковник Константин Алексеевич Удальцов, майор Виктор Васильевич Калашников. Подполковник выглядел так, будто только что сошёл с борта министерского самолёта: крепкая фигура, идеально выглаженная рубашка, дорогие часы с матовым корпусом и взгляд человека, который привык, что тишина в комнате наступает сама собой, стоит ему открыть рот. Он лишь на мгновение оторвался от раскрытой перед ним папки. Майор Калашников был полной противоположностью своего коллеги:

лицо как маска, тяжелые кулаки, широкоплечий – слегка помятый пиджак явно мешал ему. Он не смотрел в бумаги – расслаблено осев на стуле, медленно, как объектив камеры, сканировал каждого входящего.

«Волкодавы», – мелькнуло у Анны. В этой мысли не было ни страха, ни почтения – только холодное узнавание породы. Охотники.

Ростовские опера на фоне лощёного Удальцова казались персонажами из другого сериала – потёртые джинсы, небритые подбородки.

– Присаживайтесь, коллеги, – негромко произнёс Захарченко, кивком указав на свободные стулья.

Анна села вполоборота к столу. Она чувствовала на себе взгляд Калашникова – тяжёлый, цепкий, типичный взгляд «земляного» опера, который с ходу определяет, кто перед ним: боевая единица или балласт. Ответила ему таким же прямым, сухим взглядом, заставив майора едва заметно дёрнуть уголком рта.

На столе перед Удальцовым, кроме папки, лежал планшет. Никаких стаканов с чаем, никаких лишних бумаг. Только голая поверхность стола и работающий на минимуме кондиционер, чей гул в наступившей тишине казался рокотом турбины.

– Это помещение закреплено за вами, – обращаясь к прибывшим, Захарченко обвёл рукой класс, и кивнул подчиненному: – Скворцов, начинай.

Капитан кашлянул, прочищая горло, и заговорил. Голос был тихий, почти вкрадчивый, что напрягало больше, чем если бы он начал орать.

– Двадцать третьего октября. Сервисный бокс на въезде в Двуреченск. Орлов убит ножом в спину. Офицер ГУ МВД по Петербургу. Прибыл по следам микроавтобуса, связанного с налетами на инкассаторов. Работал в паре с капитаном Семёновым.

Он сделал микроскопическую паузу, выделив последнюю фразу. Не ударением – скорее интонацией. Так, что служебный термин «в паре» внезапно прозвучал как намёк на нечто большее.

Звягинцева, не меняясь в лице, ощутила знакомое холодное раздражение где-то под рёбрами. Скворцов бросал тень не на убийцу – на погибшего и его напарника.

Избегая взглядов столичных гостей, Скворцов выложил на стол фотографии: бетонный пол сервисного бокса, пятна масла, мёртвое тело в светлой куртке у подъёмника.

– Где сейчас Семёнов? – ровно спросил Захарченко.

– В Каменске. Дал объяснения, – небрежно обронил Скворцов и продолжил: – Камеры зафиксировали: Орлов заходит в бокс в 15:45. Через пять минут оттуда выбегает мужчина в рабочем комбинезоне, скрывается в салоне автомобиля и уезжает. Сразу после этого Семёнов направляется в бокс.

– Орлов уже был мёртв, когда его нашли? – тихо, но внят-

но спросил майор Калашников. Его глуховатый голос заставил всех мгновенно замолчать. Скворцов утвердительно кивнул.

Удальцов медленно покачал головой, его лицо выражало профессиональную досаду.

– Как-то всё непонятно. Напарники разделились – и вот результат. Зачем?

Анна бросила на него недовольный взгляд, но промолчала. Спорить с московским подполковником с первой же минуты было бессмысленно. Удальцов заметил эту реакцию, понял и внутренне ухмыльнулся – для него действия питерских оперов отдавали неким дилетантством.

– Оружие убийства нашли? – перевёл Захарченко разговор.

– Нет. По заключению эксперта, похоже на армейский или охотничий нож.

Захарченко откинулся в кресле.

– Таким образом, все оперативные материалы, доступ к месту и базам – к вашим услугам, – сказал он, обращаясь к Удальцову. – Капитан Семёнов и дальнейшая работа с ним – в вашем ведении. Мои люди окажут любое содействие.

Удальцов кивнул, принимая полномочия.

– Повторный допрос Семёнова оставим УСБ. Сейчас главное – поиск свидетеля, человека в комбинезоне. Этого слесаря... Гришина. Нам потребуется помощь оперов из Двуреченска.

– Поиск начали ещё вчера, – бросил Скворцов. – Дома не появлялся. На работе – тоже.

– Тогда, может, он и убил? – Удальцов пристально посмотрел на капитана.

– Может быть. Но, скорее – случайный свидетель. Судя по записи, был очень напуган. Хотя возможно всякое.

Захарченко поднялся.

– Я распоряжусь по Двуреченску, – сказал он, давая понять, что местная часть совещания окончена. – Держите в курсе.

Он вышел, и комната словно выдохнула ощутимое напряжение. Никто больше не давил, не выстраивал по ранжиру. Спины присутствующих разогнулись.

Питерцы и москвичи сдвинулись к столу, образовав тесный рабочий круг. Люди Захарченко, уже явно лишние, неспешно потянулись к выходу. Понимали: отныне они просто технический персонал на периферии чужого громкого расследования.

Анна наблюдала, как Удальцов коротко ставит задачи, и ощутила знакомое чувство, когда разум обостряется до предела. Она была здесь не гостем. Она становилась частью механизма – сложного, безжалостного и отлаженного. В этом была своя правда.

Для Анны опыт посещения морга состоял всего из одного визита. Это не входило в сферу деятельности аналитика и, как правило, она довольствовалась отчётами и заключениями судмедэкспертов. Воздух в Каменском морге сразу обжег ноздри формалином и хлора. Тело мгновенно отозвалось на этот едкий запах. Инстинктивно зажав пальцами нос, Анна остановилась у двери в прозекторскую, пропуская вперёд Удальцова. Судмедэксперт, сухой, бесстрастный мужчина в очках с толстыми линзами, заметил её внезапно побледневшее лицо, и без лишних слов протянул марлевую салфетку, смоченную мятным маслом. Анна приложила её к лицу, сделала вдох. Глубокий. Бесполезный. Мятный аромат лишь на мгновение смягчил резкий химический фон, но не смог заглушить тошнотворный привкус тлена.

На столе лежало тело капитана Орлова. Серое, чужое. Анна смотрела на него и не узнавала. Тот, кто ещё пару дней назад подшучивал над ней в кабинете, кто прикрывал её на выездных, кто звал её «Анютой», – этот человек исчез. Осталась оболочка. Восковая, с аккуратно зашитым разрезом на груди.

Судмедэксперт монотонно перечислял что-то про угол вхождения ножа, повреждённые рёбра, глубину раневого канала. Голос его звучал, как заученная лекция.

Анна слышала слова, но не понимала их смысла. Перед глазами стояло другое: как Орлов в прошлом месяце чинил заедающий замок на двери в её квартиру, как чертыхался,

потом с хитрой полуулыбкой качал головой: «Тебе, Анюта, мужика нужно, а то пропадёшь». Она тогда только посмеялась. Сейчас эти воспоминания давили, как бетонная плита.

Нервный ком подкатил к горлу. Она едва сдержала слёзы. Только не сейчас. Может, позже, когда останется одна. Сейчас внутри образовалась пустота. Та самая, о которой говорил Лаврин. Не трагедия, не боль – пустота. Только холод где-то под рёбрами и острое чувство нереальности происходящего.

Удальцов стоял рядом, чуть сбоку. Он и Калашников приехали вместе с ней. Вернее сказать – она с ними.

Когда группа вышла из областного управления МВД, подполковник окликнул её.

– Капитан Звягинцева, погодите. Пару слов.

Они отошли в сторону, подальше от суеты центрального входа, где сновали сотрудники и нетерпеливо ждали служебные машины.

– Вы сейчас куда? – начал Удальцов лишённым всяких интонаций голосом.

– В Каменск, в морг.

Анна старалась выглядеть как можно более собранно, не допуская эмоций на лицо.

– Генерал... – подполковник сделал многозначительную паузу, приподняв указательный палец вверх, – лично приказал оказывать полное содействие вам и Лаврину. Мы здесь, чтобы оказывать вам всестороннюю помощь. Так что пред-

лагаю тесно сотрудничать по всем вопросам, работать одной командой. Тем более, Управление предоставило нам служебный транспорт. Ну и все необходимые полномочия по самостоятельной оперативной работе у нас тоже имеются.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде читалась жёсткая предопределённость.

– Я настаиваю, чтобы вы отправились в Каменск с нами.

Анна и не собиралась возражать. Ей, по сути, было всё равно. Тем более, в этих двоих – Удальцове и Калашникове – было что-то, внушающее уверенность. Они казались ей каменной стеной, на которую можно опереться в этом хаосе. И сейчас это ей было необходимо.

Подполковник, в отличие от Анны, внимательно слушал эксперта. Задавал редкие, точные вопросы.

– Нож армейский? – поинтересовался он.

– Вы это серьёзно? – удивлённо вскинулся эксперт. – Могу только дать точные параметры раневого канала и характеристику лезвия. Оно обоюдоострое. А вы уже сами определяйтесь.

– Следы борьбы? – продолжил Удальцов.

– Не похоже. Один удар ножом. Нанесён резко, точно. Жертва наверняка не ожидала.

Удальцов кивнул, делая пометку в смартфоне. Лицо его оставалось непроницаемым.

Калашников, сложив ладони перед собой, застыл, прислонившись плечом к дверному косяку и его широкоплечая фи-

гура в узком проёме казалась преградой, через которую трудно пройти. Он не смотрел на тело. Смотрел на людей. Взгляд скользил по Анне, по эксперту, по Удальцову. Словно оценивал.

Анна вышла из зала первой. Остановилась на секунду, закрыв глаза. Приложила ладонь к холодной стене коридора. Орлова не стало... Она знала, что это часть работы. Знала, что каждый выезд может быть последним. Но знание не защищало от этой глухой, тупой боли утраты.

Удальцов и Калашников вышли следом. Подполковник придержал её за локоть, расценив по-своему её позу у стены.

– Порядок? – спросил он, пытаясь заглянуть в лицо.

– Нормально, – недовольно буркнула Анна, осторожно освобождая руку.

Они вышли из здания морга на свежий воздух. Анна вдохнула полной грудью, прогоняя формалиновый привкус.

– Ждём – Семёнов на подходе, – коротко сообщил Удальцов, взглянув на часы.

Она только коротко кивнула.

Калашников, глядя в сторону, негромко, но без особой конспирации, бросил напарнику:

– И что мы тут забыли? Только время теряем.

Анна услышала. Скривилась, но промолчала. Удальцов метнул в майора короткий недовольный взгляд.

– Ты, Витя, как всегда. Беспардонность – наше всё! – Он помолчал, прекрасно понимая, что для Анны присутствие

здесь не просто часть протокола. Она хотела увидеть тело своего друга и коллеги, отдать ему последнюю дань. И Удальцов, хоть и прагматик, уважал это желание. – Ведь знаешь – такие визиты зря не бывают. Вдруг бы и нарыли чего, что в отчёте не укажут.

Калашников перевёл взгляд на Анну. Поднял перед собой ладони – жест, похожий на извинение, но без особого сожаления.

– Без обид, капитан. Всё понимаю. Только работа у нас...

Он не договорил, нервно дёрнул плечами и отвернулся. Анна кивнула. Их работа действительно делала из обычных людей законченных циников, видевших в мёртвых телах только объекты преступлений. И это было правильно. Если пропускать через себя всё горе – нервов надолго не хватит. Можно сгореть за пару месяцев. Или просто свихнуться.

На противоположной стороне улицы, залитой ярким полуполуденным солнцем, затормозила служебная «Шкода». Капитан Семёнов, внешне неторопливый, но внутренне напряжённый, выбрался из салона. Он переждал поток ползущих мимо машин, выигрывая последнюю секунду передышки, и перебежал дорогу. Мужчины скупно пожали друг другу руки, обменявшись именами, точно отмеряя служебную дистанцию.

Анна не отрываясь смотрела на капитана. В его осунувшемся лице и утомлённых глазах она отчаянно пыталась прочесть невысказанное объяснение случившемуся, нашу-

пать хоть одну зацепку к пониманию этой абсурдной, кровавой трагедии.

– Ты сколько здесь ещё пробудешь? – бросил Удальцов, повернувшись к Семёнову. В голосе подполковника не слышалось нетерпения – скорее жёсткая, деловая хватка, прозвучавшая чуть резче, чем он планировал.

– Егоров требует немедленно прибыть в Ростов, – Семёнов бросил короткий взгляд на часы, словно пытаясь отсрочить неизбежное. – Сейчас с вами закончу и сразу рвану. Но если понадобится – вернусь. Вы с главком определитесь, я на связи.

– Понадобишься, – веско кивнул подполковник, и это короткое слово прозвучало как приказ, не терпящий возражений. – Мы сейчас планировали в гостиницу. Ты сам где обосновался?

– У тётки, тут полчаса на машине, – Семёнов слегка помялся, взвешивая что-то, но всё же решил: – Можете и вы у неё пристроиться. Адрес черкану, дом приличный, места на всех хватит. Перекантуемся ночь. Опять же, еда домашняя – она борща огромную кастрюлю наварила. Не гостиница, конечно, но всё поуютнее...

– Я голосую за борщ, – слегка кашлянув, сообщил Калашников. В его обычно бесстрастном, сухом тоне впервые за день проскользнуло что-то живое. Визиты в местный морг явно не располагали к гастрономическим радостям, но домашний борщ был весомым аргументом.

Удальцов вопросительно посмотрел на Анну. В её глазах всё ещё отражался могильный холод секционного зала. Поймав взгляд начальника, она лишь устало пожала плечами. Молчаливое «решай сам, мне плевать» читалось в каждом её движении – после всего увиденного ей было абсолютно всё равно, где именно пройдёт эта ночь.

– Решено, – отрезал подполковник. Это прозвучало как окончательный вердикт, не подлежащий обжалованию. – Едем на борщ. Объясняй дорогу, капитан.

Посёлок под Каменском встретил их тишиной и характерным осенним ароматом. Свежий воздух отдавал едва уловимой горчинкой увядших листьев. Шёл четвёртый час дня – бледное октябрьское солнце уже клонилось к горизонту, зависая низко над крышами. Его свет становился желтовато-серым, а тени деревьев вытянулись длинными тёмными пальцами поперёк улицы. В такую пору всегда кажется, что сумерки наступят с минуты на минуту, хотя до темноты ещё добрых два часа.

После вчерашнего ливня кое-где серели глубокие лужи, тяжело поблёскивая под косыми лучами. Дома вокруг, постройки ещё пятидесятих годов, выглядели старыми, но аккуратными – хозяева ухаживали за ними, как могли. Летом палисадники наверняка пестрели разноцветными георгина-

ми, но сейчас те уже почернели от первых ночных заморозков. Скупое солнце подсвечивало жухлые стебли с изнанки, делая почти прозрачными.

Дом тётки Семёнова обнаружился в глубине квартала, третий от угла. Белёный кирпич, аккуратные наличники из советской керамической плитки. В окнах первого этажа уже горел свет – жёлтый, домашний, резко контрастировавший с наползающей сизой хмарью. Калитка коротко скрипнула: было не заперто.

По хрустевшей под ногами гравийной дорожке, присыпанной влажно-бурой листвой, они подошли к крыльцу – три ступеньки, выкрашенные коричневой половой краской, кое-где по углам вздувшейся пузырями. Железные перила дышали предвечерним холодом. На них висело сырое, не успевшее высохнуть за короткий день, махровое полотенце.

Удальцов вошёл первым, остановился перед массивной дверью и оглянулся на Анну с Калашниковым. Те ждали чуть поодаль, слегка поёживаясь от пронизывающего ветра. Поправив воротник куртки, подполковник негромко постучал в косяк и внятно позвал:

– Хозяева! Принимайте гостей.

Где-то в глубине дома слышались шаги – уверенные, неторопливые. Дверь распахнулась резко, без лишних предисловий.

На пороге выросла крупная женщина лет шестидесяти с хвостиком. Несмотря на возраст, спину она держала прямо,

а плечи были по-военному развёрнуты. Короткая стрижка, тёмные волосы с обильной сединой. Поверх простого вязаного свитера – фартук в мелкий горох. В правой руке хозяйка сжимала большую деревянную ложку – видимо, оторвалась от плиты.

Но больше всего Удальцова зацепил её взгляд – прищуренный, оценивающий. Такой бывает у людей, которые привыкли с первого взгляда запоминать приметы и вычислять опасность ещё на дальних подступах. Она хладнокровно окинула подполковника с головы до ног, на долю секунды задержалась на едва заметном выступе кобуры под курткой и скользнула глазами по стоящим за его спиной коллегам.

На несколько мгновений повисла тишина. Слышно только было, как где-то на кухне приглушённо булькает закипающая вода.

– Нас Володя Семёнов направил, – Удальцов смотрел на хозяйку в упор, не форсируя события. Лишь коротко дёрнул подбородком: мол, все свои, мы по делу.

И в этот миг лицо хозяйки разительно переменялось. Будто кто-то невидимым тумблером мгновенно выключил глухую настороженность и включил домашнее тепло. Напряжение с плеч сошло, прищур растаял, а губы расплылись в широкой, открытой улыбке. Сразу стало ясно: эта женщина умеет быть и кремнем, и душой компании – смотря кто перед ней стоит. Она перехватила ложку поудобнее, отступила на шаг вглубь прихожей и махнула рукой:

– Володька звонил, предупреждал. Проходите быстрее, не студите дом.

Удальцов удивлённо приподнял бровь – его поразило, как настороженность столь быстро сменилась радушием.

– Спасибо.

Подполковник махнул спутникам и первым шагнул в тепло. Переступая порог, гости внутренне готовились увидеть скромный быт пожилой женщины в провинциальном посёлке, ветхую мебель, выцветшие обои и незатейливый уют без излишеств. Ведь снаружи дом выглядел непрезентабельно: местами облупившаяся на кирпичной кладке краска, посеревший от времени штакетник и почерневшая шиферная крыша. Но внутри гостей встретило просторное помещение с неожиданно добротным, свежим ремонтом.

Они вошли в просторную кухню-столовую, занимавшую едва ли не половину первого этажа. На полу лежала крупная керамогранитная плитка под светлый камень – тёплая, явно с подогревом. Матовая краска на стенах отливала приглушённым оливковым оттенком. Ровный рассеянный свет лился из точечных светильников, врезанных в подвесной потолок. Через широкое пластиковое окно просматривался внутренний двор. На подоконнике теснились горшки с разросшейся геранью и столетником – пожалуй, единственная деталь, напоминавшая о привычном быте пенсионерки.

В центре комнаты высился массивный обеденный стол из светлого дуба, накрытый простенькой клеёнкой в цветочек.

Этот контраст с дорогим интерьером выдавал практичный, экономный характер хозяйки. Вокруг стояли шесть стульев с мягкой обивкой. В углу расположился современный кухонный гарнитур с газовой плитой, новенькой вытяжкой и матовой столешницей из искусственного камня. Двухдверный холодильник блестел идеальным хромом без единой царапины. И главное – запах: наваристый, сытный аромат мясного бульона, капусты со свеклой и щедрой заправки. Тот самый борщ, обещанный Калашникову, томился именно здесь.

Хозяйка, назвавшаяся Мариной Степановной, бросила ложку в раковину, вытерла руки о фартук и повела гостей дальше, за кухонную зону.

– Спать будете здесь, в пристрое, – буднично бросила она, толкнув тяжёлую дверь.

Гости переглянулись. Пристройка оказалась капитальным кирпичным блоком, примыкавшим к основному зданию со стороны двора. Вдоль длинного коридора располагались три изолированных жилых помещения. Вместо плитки здесь под ногами лежал практичный тёмный ламинат. Светлые, почти белые стены украшали пара абстрактных принтов в недорогих рамках – исключительно ради уюта.

В первой комнате обнаружили узкая односпальная кровать с высоким матрасом, тумбочка, настольная лампа и платяной шкаф-купе во всю стену. Окно закрывали плотные рулонные шторы, а под потолком роутер Wi-Fi мерно мигал зелёным глазом. Чисто, стерильно, безлико – как в хорошем

сетевом отеле.

Второе помещение почти полностью дублировало первое, разве что кроватей было две и у стены стоял небольшой письменный стол.

Третья комната, угловая, оказалась самым просторной. двуспальная кровать, плазменный телевизор на настенном кронштейне и компактный диван-книжка. В конце коридора был обустроен отдельный санузел с душевой кабиной и бойлером, выложенный до потолка импортным кафелем.

Эта часть дома явно проектировалась с размахом и стоила дороже, чем весь остальной дом. Калашников тихо, восторженно присвистнул, оглядываясь по сторонам.

– У вас тут прямо мини-отель, – заметил он, и в голосе прозвучало искреннее уважение. – Сдаёте?

Марина Степановна усмехнулась:

– Это после недавней реконструкции. Сыновья в складчину перестроили. Раньше-то не до ремонта было – народу в доме толклось столько, что не продохнёшь. Моих двое, старший с женой да внуками, младший... Да ещё Вовка Семёнов с малолетства у меня рос, как сестра покойная умерла. Всё обветшало тогда страшно, штукатурка с потолка сыпалась.

Удальцов вопросительно приподнял бровь.

– Разъехались, – вздохнула хозяйка. – Старший в Ростов перебрался, второго аж за Урал занесло. А Вовка на питерской девчонке женился и умотал за ней. Они у меня все в системе служат, в полиции. Нормально устроились, не жа-

луюсь. Навещают, конечно. Внуки летом тут такой содом устраивают – дают жизни! Так что пристрой не пустует.

Подполковник задумчиво покачал головой:

– А вы сами, Марина Степановна, где трудились, если не секрет?

– Так и я в органах двадцать лет отбарабанила. Как и ты, подполковник. С должности замначальника районного отдела на пенсию ушла. Так-то.

Питерские опера молча и уважительно переглянулись.

Анна, пройдя в отведённую ей комнату, окинула взглядом идеально застеленную кровать и свежее полотенце, аккуратно сложенное на спинке стула. Каждая деталь была выверена. Девушка чуть заметно усмехнулась: тётка Семёнова оставалась ментом до мозга костей – порядок во всём.

За окном стремительно смеркалось. Жёлтый фонарный свет заливал пустынную улицу посёлка. А в доме пахло свежей выпечкой, чесноком и чем-то неуловимо уютным, заставлявшим забыть, что вокруг – стерильный ламинат и безликий пластик окон.

Борщ в глубоких тарелках исходил густым паром. Марина Степановна водрузила в центр стола миску с мелко нарубленной зеленью, а рядом – блюдо с чесночными пампушками, ещё горячими, только что из духовки. Деревенская сметана в глиняной плошке была такой жирной, что ложка в ней стояла торчком.

– Прошу к столу, коллеги, – хозяйка привычным жестом

стянула фартук и первой села на своё место у окна.

Анна появилась на кухне, когда мужчины уже расселись. Она успела переодеться в тёмно-синий спортивный костюм из мягкого трикотажа, ладно облегающий подтянутую фигуру. Удальцов бросил на неё быстрый, оценивающий взгляд и тут же с преувеличенным вниманием уткнулся в свою тарелку. Калашников, напротив, разглядывал девушку открыто и на несколько секунд дольше.

Хозяйка тем временем достала из недр кухонного шкафа початую бутылку водки и три стопки.

– Ну что, по маленькой за знакомство?

Она выжидающе посмотрела на гостей, но Удальцов отрицательно качнул головой:

– Спасибо, Марина Степановна. Завтра дел выше крыши, голова должна быть свежей. Нам бы чайку, потом.

Калашников, покосившись на подполковника, тоже послушно отодвинул стопку. Хозяйка настаивать не стала. Убрала бутылку, щедро сыпанула листового чая из жестянки в большой пузатый заварник и наполнила его кипятком. Обернулась к гостям:

– Вы на борщ-то налегайте, налегайте. На второе ещё картошка с мясом томится.

Когда с первым было покончено, а в тарелках появилась картошка, разговор незаметно перетёк на Володю Семёнова.

– Неприятная история, – покачал головой Удальцов. – Собственная безопасность теперь в него мёртвой хваткой

вцепится. УСБшникам только дай повод работу показать.

– Ерунда, – отмахнулась отставная подполковница. – Мальчишку и упрекнуть-то не в чем. На видеозаписи всё чётко. Ваш Орлов сам приказал ему идти к заправщице – там даже по губам прочесть можно. Одно непонятно: какого лешего он в этот ангар в одиночку попёрся? Хотя... – она тяжело, по-матерински вздохнула. – Кто ж знал, что всё так повернётся.

Удальцов внимательно прищурился, но спорить не стал. Он сам досконально изучил записи с камер и тоже считал Семёнова чистым. В конце концов, Орлов шел старшим группы и лично отдавал приказы на месте.

После ужина мужчины поднялись из-за стола. Подполковник коротко кивнул Анне:

– Всем спать. Завтра ранний подъём.

Они с Калашниковым направились к себе, в коридоре пристройки тихо хлопнула дверь.

Женщины остались на кухне вдвоём. Анна молча принялась собирать тарелки, предлагая помощь. Марина Степановна для проформы попыталась отмахнуться, но потом устало выдохнула и сдалась.

За окном окончательно стемнело, одинокий уличный фонарь заливал пустую дорогу тусклым желтоватым светом. Вскоре чистая посуда заняла своё место на полках. Гостья сухо вытирала большой стол, а хозяйка сидела неподвижно, невидящим взглядом уставившись в стену.

– А муж ваш где? – осторожно спросила Анна, понимая, что заходит на чужую территорию, но сдержать любопытство не смогла.

Марина Степановна не ответила сразу. Выждав паузу, произнесла ровно, без капли напускного драматизма:

– Утонул. На рыбалке. Двадцать пять лет уже прошло, почитай.

Она рассеянно взяла со стола недопитую чашку Анны, покрутила в узловатых пальцах:

– Младшему тогда только пять исполнилось. Поехали с другом на реку на моторке. Пьяные оба были. Перевернулись на быстрине, в собственных же сетях запутались и не выбрались. – Она вернула посуду на место. – Вот так.

Анна молчала, боясь нарушить хрупкую тишину неуместным соболезнованием.

– Я тогда ещё в паспортном столе сидела, – Марина Степановна усмехнулась каким-то своим мыслям. – А после похорон как-то само собой всё закрутилось. Карьера, погоны. Двадцать лет в итоге отбарабанила – до замначальника отдела доросла. Пацанов на ноги подняла, в люди вывела. Старший в Ростове, младший за Уралом. Вовка вот в Питер подался.

Она на мгновение притихла, а затем добавила глуше:

– Только бабского счастья так и не случилось. Мужики-то были, куда без них. Но все какие-то... проходящие. Придут, уйдут, наследят только. А своего, надёжного, так и не встре-

тила.

Анна присела напротив, опустив локти на клеёнку.

– А ты сама как? – Марина Степановна вдруг перевела на неё прямой, цепкий, чисто ментовский взгляд. – Как тебя-то занесло в эту мясорубку? Девка красивая, ладная. Да и соображаешь, видать, неплохо, раз в главке держат.

Анна отвела глаза в сторону тёмного окна:

– Хотела от родителей съехать, самостоятельности искала. А в полиции служебное жильё давали. Пошла сначала в архив – старые дела оцифровывать. Так и застряла. – Она криво усмехнулась. – А потом в управлении появился один опер... Приехал из Петербурга. Позвал к себе в убойный отдел, в группу. Я подумала и согласилась. Так и переехала. Год уже в главке.

Марина Степановна понимающе прищурилась и чуть склонила голову набок:

– Опер, значит, – протянула она с характерной многозначительностью. – И умный, небось, и форсить умеет. Раз ты сорвалась и за ним покатила.

– Почти так, – отозвалась Анна.

– И что? – Хозяйка подалась вперёд, опершись грудью о край стола. – Что у вас с ним? Сдвинулось чего?

Анна долго разглядывала свои пальцы, прежде чем ответить:

– Ничего у нас нет. У него женщина есть. А между нами – только служба.

Марина Степановна тяжело, понимаяюще вздохнула.

– Ну и дурёха же ты, девка. Мужика добиваться нужно.

– Я не умею себя навязывать, – тихо произнесла Анна, опустив взгляд.

Хозяйка покачала головой и решительно скрестила руки на груди:

– Навязывать – это ты как-то загнула. Никто не говорит ноги перед ним раздвигать на первом же допросе, – она коротко усмехнулась собственной жёсткой шутке.

Анна подняла глаза, глядя с растерянным непониманием. Марина Степановна выдержала паузу, давая гостье время переварить услышанное, а затем заговорила снова – серьёзно, зафиксировав цепкий взгляд на зрачках девушки:

– Но я не об этом сейчас. Ты говоришь, у него баба есть. И что? Жена? Нет. Просто сожительница или временный вариант. Это не преграда, Ань. Это место, которое сейчас просто кем-то занято. И если ты будешь сидеть в углу да вздыхать, что «между нами только служба», так оно и останется – ничем. Потому что он не догадается. Мужики вообще намёков не понимают, они не телепаты. Ему нужен чёткий сигнал: «Я здесь. Я женщина. Меня нужно завоевать». Не вешаться на шею – боже упаси. А дать понять, что игра началась.

Анна молчала, перебирая тонкими пальцами край цветистой клеёнки.

– Я не умею... быть такой.

– Так учись! – отрезала Марина Степановна. – Или потом

всю жизнь локти кусать будешь, что промолчала, когда надо было брать своё. Узду на него – и в стойло. Жёстче с ними надо, они силу уважают. И прямоту. Я сейчас не про постель говорю, тьфу. Характер свой покажи. Если он увидит, что ты не тряпка бесхребетная – сам к тебе потянется. А там уж... как карта ляжет.

– Легко сказать...

– А лёгкой жизни никто и не обещал, – хозяйка поднялась из-за стола, её массивная фигура на секунду загородила свет уличного фонаря. – Я двадцать пять лет одна. Пацанов подняла, внуков вон нянчу. Думаешь, легко мне было? Но сидеть у моря и ждать погоды – это дурость чистой воды.

Она взяла со стола остывшую чашку, плеснула туда крепкой заварки из пузатого чайника и пододвинула Анне:

– Хлебни горячего и не куксись.

Внезапно Марина Степановна смягчилась, накрыла своей широкой, узловатой ладонью холодные пальцы Анны:

– Девка ты видная, умная. А жизнь – она одна, пролетит – не заметишь. И мужики, которые хоть чего-то стоят, на дороге не валяются. А твой опер, похоже, стоит того, раз ты по нему так убиваешься. Не упusti. Уяснила?

Анна тяжело выдохнула, чувствуя, как под этой ладонью закипает странное, забытое тепло.

– Уяснила, – отозвалась едва слышно.

Они посидели ещё немного, каждая погружившись в свои мысли. В глубине дома, в пристрое, кто-то глухо кашлянул –

видимо, Калашников ворочался во сне. За стеной скрипнула половица, клацнул замок закрываемой двери, и всё окончательно стихло.

Марина Степановна легко хлопнула ладонью по столу, подвоя черту:

– Ну и лады. А теперь марш спать. Ты мне потом звякни обязательно, как у Володьки дела пойдут. Сам-то набрешет с три короба, что всё хорошо, партизан хренов, – она устало вздохнула и направилась на свою половину дома.

Анна ещё долго сидела в полумраке опустевшей кухни, разглядывая жёлтое пятно от фонаря на полу и прокручивая в голове резкие слова Марины. «Надо дать сигнал. Не предлагать себя – а дать понять, что игра началась».

Она горько, но уже с каплей уверенности усмехнулась своим мыслям, поднялась и тихо, стараясь не скрипеть половицами, ушла в свою стерильную комнату.

Проснувшись, Анна открывать глаза не спешила, осознанно затягивая последние мгновения утренней неги. Мягкое постельное бельё ласкало кожу, даря обманчивое ощущение покоя, которого ей так отчаянно не хватало в последние дни. За дверью слышались тяжёлые уверенные шаги, а следом просочился дразнящий аромат свежесваренного кофе. Смешанный с запахом жареного сала и яичницы, этот густой дух пополз из-под дверной щели, окончательно прогоняя остатки дремоты. Где-то в глубине дома мелодично звякнула по-

суда.

Девушка открыла глаза. В окно уже пробивался ровный октябрьский свет – бледный, без единого солнечного луча. Анна потянулась, заставляя мышцы проснуться, села на постели и привычным жестом пригладила волосы. В комнате было тепло, по-домашнему уютно, как когда-то в детстве. Натянув спортивный костюм, она с лёгким вздохом рассмотрела в зеркале слегка припухшее со сна лицо и удручённо покачала головой: предстать перед мужчинами в таком затрапезном виде не хотелось. Осторожно выглянув в коридор и убедившись, что там пустынно, она стремительно проскользнула в ванную.

Спустя пятнадцать минут Анна вошла в кухню-столовую. Калашников, уже полностью собранный, гладко выбритый и бодрый, восседал за столом перед тарелкой, доверху наполненной утренней снедью. Подполковник сидел рядом, и его лицо казалось мрачным и сосредоточенным. Перед Удальцовым не было еды – только чашка с дымящимся чёрным кофе, зажата в сильных пальцах. Он коротко, чисто механически кивнул в ответ на тихое приветствие Анны и тут же вновь устался в одну точку на скатерти. Калашников, не переставая жевать, приветственно отсалютовал зажатой в кулаке вилкой. Только Марина Степановна, хлопочущая у плиты, одарила Анну понимающей, искренней улыбкой:

– Доброе утро. Присаживайся.

Тарелки на столе ломились от деревенского угощения: ру-

мяная яичница-глазунья на ароматном шпике, горячие бутерброды с колбасой и запечённым сыром, домашнее сливочное масло, пышные ломти свежего хлеба и густое варенье. В медной турке на конфорке доваривалась порция кофе, источая бодрящий, плотный запах.

– Садись, садись, – засуетилась хозяйка, вытирая руки о передник. – Чего тебе положить, Анечка?

– Спасибо, Марина Степановна. Я сама, – негромко обронила Анна, усаживаясь на свободный стул рядом с подполковником.

Удальцов тем временем аккуратно поставил пустую чашку на блюдце и поднял глаза:

– Спасибо, хозяйка. Всё было очень вкусно.

Та взглянула на подполковника с лёгкой укоризной, но промолчала. Калашников же продолжал уничтожать очередной бутерброд с энтузиазмом вечно голодного курсанта. Он умудрялся одновременно жевать, шумно отхлёбывать из большой кружки и довольно причмокивать.

– Очень вкусно, Марина Степановна, – прогудел он с набитым ртом.

– На здоровье, – довольно хмыкнула женщина, явно растроганная таким аппетитом.

Анна налила себе крепкого чаю, переложила на тарелку бутерброд с расплавленным сыром. Ела она не торопясь, смакуя каждый кусок и делая мелкие глотки.

Тут в дверях кухни, словно призрак бессонной ночи, на-

рисовался Семёнов. Взъерошенный, со стойкой многодневной щетиной, в той же мятой куртке, что и вчера. Белки глаз налились краснотой – судя по всему, капитан вернулся из Ростова глубоко за полночь и рухнул на кровать не раздеваясь.

Марина Степановна строго покачала головой, скрестив руки на груди:

– Опять в обмундировании дрых? Ну-ка марш в ванную, приведи себя в божеский вид. Выперся к гостям, помятый, как бомж привокзальный.

Володя тоскливо покосился на ломящийся от еды стол, но перечить тётке не посмел. Понуро кивнув, он скрылся на хозяйской половине. Спустя десять минут он вернулся преобразённым: умытый, наскоро причёсанный, в свежей футболке. Хотя глубокие тени усталости под глазами никуда не делись.

– Ну, как съездил? – поинтересовался Калашников, потянувшись за добавкой.

– Да задолбал этот майор. Гонора выше крыши, а вопросы тупые, по третьему кругу, – Семёнов хмуро плюхнулся на свободный стул и с силой потёр лицо ладонями. – Два часа мне мозг полоскал. А до этого ещё в коридоре мариновал битый час – авторитет свой показывал, страху нагонял. Но дело-то пустое, предъявить мне юридически нечего. В итоге сквозь зубы процедил, что вопросов больше нет. Но, сами понимаете, осадочек остался.

Марина Степановна молча водрузила перед племянником полную тарелку яичницы со шпиком и подвинула большую кружку. Семёнов благодарно кивнул и жадно набросился на еду.

Удальцов на этот монолог даже не обернулся. Он по-прежнему сидел неподвижно, уставившись в одну точку за стеклом, словно пытался разглядеть в серой октябрьской дымке невидимый ответ на главный вопрос.

За столом повисла тишина, нарушаемая лишь мерным перестуком приборов. Первым молчание нарушил подполковник. Он поднялся и на мгновение задержал взгляд на своём запястье. В утреннем свете блеснули гранёные рёбра по краю тёмно-синего циферблата, и Анна в очередной раз отметила про себя: часы роскошные, запредельно дорогие. Из тех, что на подполковничью зарплату не купить, сколько ни откладывай. Удальцов перехватил это мимолётное движение её ресниц, и девушка поспешно отвела глаза.

– Марина Степановна, – подполковник сразу повернул к делу, – вы ведь у нас бывший замначальника РОВД. Раскиньте мозгами, может, остался здесь кто-то из старой гвардии, с кем стоит неофициально пообщаться? Кто давно в строю и держит в голове прошлые глухари.

Хозяйка отодвинула пустую посуду и промокнула губы салфеткой.

– А почему официальные архивы не поднять? – спросила она с удивлением профессионала, привыкшего к чётким

процедурам.

– Архивы – само собой, – отрезал Удальцов. – Только живой человек может помнить те нюансы, которые вообще не попали в протоколы или которым шестнадцать лет назад просто не придали значения.

– Может, ты и прав, – Марина Степановна сосредоточилась, опустила локти на клеёнку и сцепила пальцы в замок. – Но я подобных дел навскидку не припомню. За время моей службы сотрудников так целенаправленно не убивали. Ранения случались, при задержаниях, по пьяни. Но ничего масштабного.

– Я не про нападения на сотрудников, – поморщился Удальцов. – Убийства гражданских, где преступник виртуозно, профессионально орудовал ножом. Меня интересуют именно такие случаи. И, скорее всего, они до сих пор висят в нераскрытых.

– Тогда вам к Феде Комлеву надо, – после недолгого раздумья выдала хозяйка. – Бывший опер городского угрозыска, майор в отставке. Мужик тёртый, правильный, ни в каких грязных схемах не засветился. Он всю подноготную до сих пор в голове держит.

Анна внимательно слушала, не вмешиваясь. В кармане её спортивной куртки коротко завибрировал телефон. Она достала аппарат, взглянула на экран и замерла на секунду.

– Лаврин, – тихо произнесла она, нарушив паузу.

Удальцов вопросительно вскинул бровь:

– Что пишет?

– Находится в придорожном мотеле на трассе. Предлагает пересечься.

– А какого он не с основной группой? – нахмурился Семёнов, отрываясь от яичницы.

– У него автономная задача, – уклончиво ответила Анна, продолжая всматриваться в светящийся дисплей.

Удальцов выдержал паузу, о чём-то напряженно размышляя, а затем жёстко резюмировал:

– Встретиться необходимо.

– Я съезжу, – тут же вызвалась Анна, помня ночной наказ Марины Степановны действовать смелее.

– Мы все поедem, – поправил подполковник ледяным тоном, который не допускал ни малейших возражений. – Сворачиваемся, коллеги.

Калашников отставил кружку, вытер рот, уже готовый к выходу.

– Далеко эта гостиница?

– Полчаса отсюда, – ответила Анна, не отрывая взгляда от экрана смартфона.

Удальцов снова глянул на запястье. Привычным, почти рефлекторным движением поправил дорогой хронометр на руке и застегнул куртку.

– Через десять минут выезжаем. Марина Степановна, могу я попросить вас об одолжении?

Хозяйка приподняла брови и уверенно кивнула.

– Насколько я понял, ваш Комлев сейчас на пенсии, – подполковник заговорил быстрее, по-деловому. – Вы не могли бы вместе с Володиёвым навестить его и расспросить лично? Ваш племянник в курсе основных деталей налёта, он знает, что именно нас интересует. Перед выездом я его дополнительно проинструктирую по питерским убийствам, объясню, на какие маркеры обратить внимание.

– Сделаем, – в глазах отставной подполковницы блеснул неподдельный, чисто профессиональный азарт. Старая сыскная кровь явно взяла своё.

– Вот и ладненько, – Удальцов поднялся со стула, мгновенно собрав на себе внимание подчиненных. – Володя, сворачивай завтрак и выходи во двор. Переговорим на воздухе и решим, где ты к нам позже присоединишься. Из Питера я добро уже получил: на время командировки ты официально поступаешь в моё распоряжение.

Придорожное кафе на заправке, вопреки своему статусу, оказалось довольно уютным. Панорамные окна выходили на трассу, за стеклом в сизом октябрьском тумане бесшумно проплывали силуэты фур и легковушек. На входной двери едва держалась потёртая табличка «Открыто», а в углах помещения негромко гудели обогреватели, нагоняя ленивое тепло.

Лаврин ждал их у крайнего столика в самом конце зала. Он сидел спиной к стене – давняя привычка оперативника, стремящегося полностью контролировать пространство. Короткая кожаная куртка была расстёгнута, открывая простой, плотно облегающий широкую грудь свитер. Довершали образ не новые, но явно дорогие джинсы и массивные ботинки на толстом протекторе.

Когда коллеги вошли, Игорь поднялся – легко, без малейшей суеты. Он шагнул навстречу Удальцову, и тут произошло то, чего Анна никак не могла ожидать от невозмутимого и серьезного Удальцова: подполковник широко, искренне улыбнулся. Без тени мрачной сосредоточенности, которую она наблюдала два дня.

– Игорь! – Удальцов протянул руку, и в его голосе слышалось настоящее тепло.

– Костя! – Лаврин ответил крепким рукопожатием, одобрительно хлопнул подполковника по плечу и сразу перевёл взгляд на Калашникова: – И ты здесь? Привет, Витя. Вы, я гляжу, как всегда – парой.

– Слежу за ним. Чтоб не косячил на выезде, – коротко, с привычной оперской ворчливостью отозвался Калашников, пожимая Лаврину ладонь.

Удальцов лишь криво усмехнулся.

Их встреча была пронизана давней, глубокой привязанностью. Старшие офицеры, знавшие Игоря чуть ли не с детства, питали к нему искреннее уважение – и как к сыну сво-

его друга, и как к первоклассному профессионалу, которым он в итоге стал. Между мужчинами с первой секунды ощущалась та особая, невербальная связь, которая выковывается годами совместной работы и понятна только по-настоящему близким людям.

– Ты как? Не женился ещё? – спросил Удальцов, придвигая стул к столу.

Лаврин коротко отмахнулся. Его взгляд на секунду застыл, словно он отгонял какую-то навязчивую, болезненную мысль.

Анна присела на край общего дивана, остро ощущая себя лишней на этом празднике жизни. Она знала Игоря как руководителя – жёсткого, проницательного, надёжного. Но здесь, рядом с этими мужчинами, он открывался с совершенно иной стороны. Не хладнокровный оперативник, а человек с глубоким прошлым, прочными привязанностями и преданными друзьями. Этот тёплый непринуждённый мужской разговор, полный понятных только им намёков, невидимой стеной отгораживал её от их компании.

Она оказалась прямо напротив Игоря, и её взгляд помимо воли задерживался на резких чертах его лица.

«Накинуть узду? – мысленно фыркнула Анна. – Да на такого если и удавку накинешь, он даже не заметит твоих потуг».

Она поймала себя на неуместной улыбке и поспешно скрыла её, опустив глаза. Но слова Марины Степановны ко-

лючей занозой сидели в голове: «Мужика добиваться нужно. Узду на него – и в стойло. Жёстче с ними».

Мысленно Анна беззлобно костерила вчерашнюю собеседницу. Глядя сейчас на этого брутального мужчину в расстёгнутой кожанке, она думала лишь об одном: как бы не ляпнуть какую-нибудь глупость. Какая, к чёрту, узда? Он сам кого хочешь объездит. За время совместной службы в Питере она отлично изучила его характер: Лаврин органически не переносил попыток управлять им. Он сам прокладывал курс, сам принимал решения и сам выбирал, кого впускать в свой мир. Попробуй натянуть поводья – он либо порвёт их в клочья, либо просто проигнорирует и пойдёт дальше своей дорогой.

Для него она оставалась просто коллегой. Он – начальник, она – аналитик в группе. Всё их общение укладывалось в строгие рамки: сухие докладные, оперативки, редкие выезды. И вот теперь перед ней был совершенно другой Лаврин – транслирующий живые эмоции и неподдельную радость от встречи со старыми товарищами.

Игорь наконец повернулся к ней. Чуть прищурился, и выражение его лица мгновенно изменилось: приятельская расслабленность уступила место привычному оценивающему вниманию.

– Капитан Звягинцева? – с деланным изумлением спросил он. – Привет, Аннушка.

Лаврин подошёл ближе, и Анна замерла, ошеломлённая.

Как он её назвал? При старших офицерах? Так просто, будто между ними давно существовало нечто большее, чем сухой служебный регламент. Девушка во все глаза смотрела на своего начальника: лёгкая трёхдневная щетина, резко очерченные скулы, тёмные глаза с едва заметной хитринкой, но без грамма наглости. От Игоря пахло горьким кофе и утренней свежестью.

– Вы... то есть ты... – поправилась она, чувствуя, как к щекам стремительно подступает жар. – Привет.

– Ну привет, – усмехнулся Лаврин. – Чего застыла? Случилось что?

Он непонимающе вглядывался в её лицо.

– Всё нормально, – выдохнула Анна, ощущая, как земля на мгновение уходит из-под ног. – Всё хорошо.

Удальцов, заметив неловкую паузу, дипломатично кашлянул в кулак:

– Ладно, опергруппа. Давайте присядем.

Лаврин кивнул и указал на угловой столик:

– Падайте. Кофе здесь вполне приличный, я уже проверил.

Они расселись. Удальцов слева от Лаврина, Калашников – справа. Место Анны оказалось напротив Игоря. Случайно или намеренно – она и сама не поняла, но теперь парень был у неё как на ладони: он расслабленно откинулся на спинку и лениво крутил в пальцах связку ключей с эмблемой BMW.

Первые минуты мужчины говорили на отвлечённые те-

мы: вспоминали общих знакомых, расспрашивали про питерский главк, делились новостями.

«Узду на него..., – упрямо крутилось в голове Анны. – Встойло его, жёстче с ними...». Да на такого узду надо не из ремня кроить, а из колючей проволоки. И то не факт, что удержишь. Следом родилась другая мысль, уже чисто своя, выстраданная: «А может, и не надо никакой узды? Может, с таким мужчиной нужно просто идти рядом, плечом к плечу, а не пытаться оседлать?»

Лаврин вдруг поднял глаза, перехватил её задумчивый взгляд и едва заметно, одними уголками губ, улыбнулся. Будто считал все мысли до единого слова. Анна почувствовала, как её лицо мгновенно краснеет, и отчаянно захотела провалиться сквозь дощатый пол придорожного кафе.

– Итак, парни, – Лаврин отодвинул пустую чашку. Голос мгновенно стал сухим. – Давайте к делу. Времени у нас в обрез.

Игорь включился в работу как по щелчку тумблера. Анна мысленно выдохнула с облегчением: слава богу, теперь можно легально спрятать неуместное смущение за маской непроницаемого служебного лица.

Но резкие слова Марины Степановны продолжали крутиться где-то на задворках сознания, и этот навязчивый рефрен никак не удавалось заглушить. Девушка украдкой скользнула взглядом по Лаврину – тот уже полностью ушёл в разговор с подполковником, обсуждая логистику – и пой-

мала себя на том, что гипнотизирует его руки. Сильные, с отчётливо проступившими венами, с точными, уверенными движениями пальцев. «Коллега, – настойчиво напомнила она себе. – Ты его подчинённая. И между вами только служба».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.